

Лариса Петровичева

Дракон выбирает невесту

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Лариса Петровичева

Дракон выбирает невесту

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Петровичева Л.

Дракон выбирает невесту / Л. Петровичева — «АЛЬФА-КНИГА», 2019

Эдвард Финниган – наследник крупнейшей драконьей династии, который должен жениться по приказу отца. И я, Инга Шуман, устраиваю для него телешоу с отбором невест. Но что делать, если жених не хочет заключать брак, невеста не хочет замуж, а на отборе начинаются интриги и убийства? Неужели надежда для всех только в любви?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Петровичева Л., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лариса Петровичева

Дракон выбирает невесту

Все персонажи и события являются вымышленными, возможные совпадения случайны.

Глава 1

– Бредовый проект, конечно. Не уверен, что окупится. – Эдвард Финниган посмотрел на младшего брата так, как смотрел всегда: как на несмышленища, который не понимает ни особенностей высшего света, ни того, как в этом свете делаются дела.

Я сидела в кресле, машинально заштриховывала клетки в блокноте и пока не вступала в разговор. Сейчас моей главной задачей было молчать и слушать. В «Финниган тауэр» меня пригласили в качестве специалиста по деликатным вопросам. В определенных кругах меня попростому называют профессиональным решалой, но я никогда не думала, что придется разбираться с драконьими свадьбами.

Официальный костюм, который я надела по случаю визита, уже начинал раздражать. Не люблю белые блузки, пиджаки и зауженные брючки, еще больше не люблю пышные женские галстуки, которые ввела в моду жена премьер-министра, но приходится быть одетой именно так, чтобы тебя воспринимали всерьез. И, конечно, купить все это в хорошем магазине, а не просто заказать в сетевом магазинчике. Такие вещи поднимают на определенный уровень, который очень хорошо чувствуют драконы.

В словах Эдварда было столько яда, что Макс невольно опустил глаза, и я увидела, как над его головой витают алые искры. Так всегда. Если дракон испытывает сильные эмоции, то рядом с ним становится жарко.

Братья Финниган – высокие, темноволосые и кудрявые – были настолько непохожи по характеру, что я иногда сомневалась, братья ли они на самом деле. Макс посвящал свободное время книгам и работе в колледже. Мне он нравился. Не как мужчина, а как человек, с которым можно общаться, не отвлекаясь на неровно стучащее сердце. Потому что это самое сердце всегда начинало стучать с перебоями, когда на меня смотрел Эдвард Финниган. Ухоженный, стильный, всегда одетый с иголочки – от него веяло завораживающей силой.

Он из тех мужчин, находясь рядом с которыми, невольно начинаешь представлять, как было бы хорошо остаться с ним наедине хотя бы на пару часов. А еще я видела, как он обращается в дракона. Огромный золотистый ящер сорвался с последнего этажа «Финниган тауэр», и мое сердце сорвалось за ним следом. Это было прекрасно – настолько невероятное создание не могло не быть прекрасным. Но мне следовало оставаться серьезной и спокойной, как и полагается специалисту по сложным вопросам.

Воротник белоснежной сорочки Эдварда был расстегнут, и я увидела, как по смуглой щеке стекает капля пота. Ему все это ужасно не нравилось. Он предпочел бы отправиться в клуб и провести время с очередной красоткой из числа тех, которые стоят в очереди, ожидая благосклонного взгляда. Даже одна ночь с наследником влиятельной династии драконов может вознести на вершину мира...

Но вместо этого Эдвард был вынужден мерить шагами просторный кабинет, обставленный в стиле прежней династии, с морскими пейзажами на стенах и антикварной мебелью, и понимать, что неприятное решение необходимо принять именно сегодня, пока старый Финниган не разозлился и не сжег эту башню вместе со всеми, кто в ней находится.

Старик терпеть не мог, когда ему перечат, даже если это – его сын. И иногда принимал очень импульсивные решения.

– Фро Макс прав, – сказала я. Пауза затянулась. – Но его план мы немного скорректируем. Кто основной инвестор в «Финниган проджект»?

Эдвард впервые за все время, что я провела в этом кабинете, посмотрел мне в лицо. Я замерла, понимая: он только что оценил меня – и оценил по достоинству, как профессионала.

– Дварк Дварксон, – проговорил он и уточнил: – Человек.

– У Дварксона, насколько мне известно, есть дочь, – продолжила я. Эдвард хотел было меня перебить, но я не позволила. – Конечно, человеческим девушкам нельзя принимать участие в отборе. Но я уверена: ваш отец не будет возражать, если она придет. И победит.

Все проблемы Эдварда сейчас упирались в древнюю драконью традицию. Наследник рода должен выбрать себе невесту из числа самых достойных девушек страны – разумеется, драконьего происхождения. Отец Эдварда и Макса в свое время оказался бунтарем – женился без отбора на демонице. Это от нее у братьев черные кудри...

Так вот, отбор невест. Эдвард не хотел жениться. Вообще. Ни на драконице, ни на человеческой девушке. Его вполне устраивала такая жизнь, когда днем он успешно вел дела в «Финниган тауэр», умножая капиталы семейства, а ночи проводил с очередной счастливицей, ни разу не повторяясь.

– Вы ведь понимаете, что так не будет продолжаться вечно, – чуть ли не с сочувствием сказала я. – Отец может лишит вас наследства, и тогда все, чего вы добились таким невероятным трудом, просто уплывет из ваших рук. Совершенно законным образом, и вы ничего не сможете с этим поделать.

Эдвард скривился. Всеми деньгами семьи занимается ее глава: сколько бы ни заработал Эдвард, это не были его личные средства. И со старого Финнигана стало бы действительно лишит строптивца наследства.

– Ваш отец хорошо относится к Дварксону, – продолжила я. – Он не будет против, если юная Эмилия примет участие в отборе. Она вам понравится, Эдвард. Милая девушка, немного неуклюжая, но трогательная. Этот брак решит многие проблемы, например, недавние колебания на бирже или те мелкие трудности на ваших предприятиях по золотодобыче. Не мне вам рассказывать, к кому именно тянутся ниточки тех забастовок. Профсоюзами в нашей стране заведует Дварксон. Но я уверена, что он примет меры, если Эмилия пройдет отбор.

Называя Милли Дварксон неуклюжей, я несколько погрешила против истины. Если какую-то вещь можно разбить или сломать, то Милли непременно это сделает. И упадет на ровном месте заодно.

– Мне она не нравится, – устало признался Эдвард. – Видел ее на каком-то приеме... я не сплю с телками, фрин Инга, даже если они племенные. И к дьяволу все профсоюзы, я найду способ их обуздать. Вместе с папашей Дварксоном.

– Вас никто не заставляет с ней спать.

Дьявол побери, мне стоило значительных усилий сохранять спокойствие. И вовсе не из-за драконьего упрямства, которое может соперничать только с ослиным, а из-за того, что я не могла не представлять, как руки Эдварда, сильные, с тонкими музыкальными пальцами, снимут с меня белую блузку, уже начинающую промокать от пота, и мягкими осторожными движениями пройдутся по коже. Прикосновение дракона наверняка обжигает... Но я согласна потерпеть.

– Ладно, пусть. – Эдвард провел ладонями по лицу, и Макс, кажется, вздохнул с облегчением. Впрочем, на добродушном бледнокожем лице младшего ничего нельзя было прочесть: свои эмоции он скрывал очень тщательно. – Но превращать отбор в посмешище? В шоу для этого быдла внизу?

Я не подала виду, что его слова меня задели. Для тех, кто живет в роскошных апартаментах на вершинах небоскребов, ест с золотых тарелок и спит с женщинами на венецийском шелке простыней, все мы – просто быдло внизу. В том числе и я. С этим не следует спорить, это просто принимается как факт.

– Это быдло внизу принесет вам миллиарды, если вы согласитесь на проект вашего брата, – сказала я. – Производители затопчут друг друга, когда побегут давать рекламу во время шоу, поверьте специалисту. Акции, без сомнения, вырастут, и ваши, и вашего будущего тестя. Пусть он человек, а не дракон – деньги этого не различают.

По холеному лицу Эдварда скользнула тень. Хорошо, что он никогда не узнает, сколько мне заплатил папаша Дварксон за то, чтоб я протасила на отбор его любимую дочку.

– Ладно, – устало кивнул он и вынул из портсигара длинную сигарету. На кончике его указательного пальца вспыхнул огонек, и вскоре по кабинету поплыл ароматный вишневый дым. – Как именно это будет выглядеть?

На какой-то миг я ощутила торжество, которое затем сменилось усталым глухим равнодушием, чуть ли не раздражением. У меня так всегда бывает, когда побеждаю. А Эдвард уже дожат. Он смирился с необходимостью жениться и не будет бунтовать. Пусть в нем течет кровь дракона и демоницы – Эдвард любит деньги и власть гораздо больше своей свободы.

– Это будет лучшее шоу в истории, – улыбнулся Макс. – Самое лучшее. Не сомневайся. И снова открыл свою папку с бумагами.

Макс хотел назвать шоу попроще, например, «Завидный жених», и с учетом того, что будет всего один сезон, развернуться по полной. К просмотру допускались только совершеннолетние, но для подростков запустят тайный флешмоб в Сети, который позволит им получить желанные ключи к контенту. Конечно, реклама во время флешмоба пойдет по тройным расценкам.

По традиции к отбору допускались только девушки из драконьих семей, обязательно девственницы. Макс же предлагал идти в ногу со временем и, помимо Милли, взять на шоу еще нескольких человеческих девушек.

– Их проще пустить в расход, – сказал он, и над его головой снова замелькали искры, а я подумала, что совершила ошибку, посчитав младшего тюфяком.

Да, отбор невест для дракона – смертельно опасное дело. Представив, какая толпа соберется на кастинг, я почувствовала, как по спине мазнуло холодком.

– Да, пожалуй, ты прав. – Эдвард теперь говорил спокойно, даже лениво.

Ну и правильно, плетью обуха не перешибешь, особенно если обух – старый дракон, который ни с кем церемониться не будет. Перед тем как отправиться в «Финниган тауэр», я три часа провела в Сети, изучая историю драконьего семейства, и старый Финниган невольно начинал вызывать уважение. Выбрал женщину сам, без всяких традиционных отборов, поставил семью перед фактом женитьбы, а когда ему предсказуемо пригрозили лишением наследства, только махнул рукой. Следующие пять лет после свадьбы они с женой прожили внизу, вполне обеспеченно, по меркам человеческих соседей, но для драконов это было равносильно тому, чтоб побираться на паперти. В итоге его мать и отец не выдержали. Эдвард и Макс родились уже после возвращения своих родителей в семью.

– Уверены, что трупы необходимы? – поинтересовалась я, прекрасно понимая, каким будет ответ.

Драконы и дельцы одинаково жестоки, а уж если дракон еще и делец... В прошлом им приносили человеческие жертвы, и предки Эдварда и Макса рвали острыми белыми зубами плоть невинных дев. Это считалось нормальным и правильным, зато в стране царили мир и порядок, а соседние государства даже не задумывались о войнах.

Эдвард посмотрел на меня как на дурочку. Макс мягко ответил:

– Смерть во время телешоу повышает рейтинги, фрин Инга. Раз уж мы говорим о рейтингах и делах, то должны подумать и об этом. Разумеется, родственники несчастных получают компенсацию...

Он говорил что-то еще, а Эдвард пристально смотрел на меня, словно пытался прочесть мои мысли.

– Вы меня проверяете, фрин Инга? – наконец спросил он подчеркнуто вежливо. – Вам любопытно, какими могут быть драконы, когда их доводят до точки кипения?

Право же, мне меньше всего хотелось это узнать. Я не имею привычки злить тех, кто способен меня испепелить.

– Ни в коем случае, фро Эдвард, – проронила я. – Мне нужно, чтоб дело было сделано и мои деньги появились у меня на счету.

Разумеется, такой ответ Эдварда не удовлетворил. Я чувствовала, что не нравлюсь ему хотя бы по той причине, что заставила его принять неприятное решение. А еще потому, что до конца отбора так или иначе буду находиться рядом. Кто-то ведь должен проследить за тем, чтоб все прошло нормально.

– Вы необычная, фрин Инга, – произнес Эдвард, задумчиво скользя по мне тяжелым взглядом.

Когда он так смотрит на своих девиц в клубах, они сами не понимают, что начинают раздеваться. И я сейчас ничем от них не отличалась. Мне хотелось, чтоб молчаливый скромняга Макс куда-нибудь ушел, оставив нас с Эдвардом наедине обсудить будущее шоу. И мы действительно обсудили бы его – потом, в постели, на веницейском шелке. Надо же о чем-то говорить после секса.

– На самом деле все очень просто, – ответила я, усилием воли отгоняя сладкие видения. – У вас есть проблема. У вашего брата есть решение. А я просто слежу за тем, чтоб все катилось не к бесовой матери, а по нужным рельсам.

В темных глазах Эдварда вспыхнули огоньки.

– Великолепно, – произнес он. – Просто великолепно. После того как отбор закончится, я найму вас на постоянную работу, раз уж вы так хорошо разбираетесь в проблемах.

Я усмехнулась. Наймет он. Надо же. Оказал милость и сделал честь. В глубине души зарождалось сопротивление, и мне очень захотелось оказаться как можно дальше отсюда. В каком-нибудь кабаке для быдла внизу, где никто не спросит, что у меня на уме.

Пожалуй, мне следует упасть ему в ноги и благодарить. Папаша Дварксон ожидал от меня примерно того же и очень расстроился, когда я просто ушла.

– Благодарю вас, Эдвард... Я ведь могу вас так называть?

Макс, который копался в своих бумагах, испуганно поднял голову и посмотрел сперва на меня, потом на брата. Эдвард сложил руки на груди и разглядывал меня с вызовом, но мне почему-то показалось, что его гложет тревога и он с трудом справляется с ней.

«А ведь может и испепелить, – вдруг подумала я. – Просто потому, что я вмешалась в дела его семьи и вынудила согласиться с отцом и братом. Да еще и навязала дочку главного партнера, причем легко и изящно».

– Конечно, можете, Инга. – Эдвард улыбнулся краешком рта, но глаза остались строгими.

Я улыбнулась в ответ и сказала:

– Ваше предложение, безусловно, лестное, но работа у меня уже есть. И я ею вполне довольна.

Эдвард пожал плечами. На лице Макса появилось облегчение, будто он тоже ждал, что брат превратит меня в пылающий факел.

– Что ж, тогда вернемся к шоу, – произнес он. – Когда начнем подготовку?

В «Финниган тауэр» мы засиделись допоздна, моя белая блузка промокла от пота, а искры над головами двух драконов опасно сверкали, грозя что-нибудь подпалить. Я не сомневалась, что все в кабинете пропитано специальным составом, который не позволит всем нам вспыхнуть, но все же предпочла бы, чтоб драконы держались от меня хоть чуточку подальше.

Мы обсудили вопрос моего гонорара за подготовку шоу, и, когда Эдвард назвал сумму, я поняла, что следующий год могу провести где-нибудь на побережье, в хорошем отеле, где буду есть на золоте и спать на венецийском шелке. И ни о чем не думать: ни о драконах, ни о том, что заставляет меня заниматься настолько рискованной работой.

Как и всякий решала, я начала с низов. С улиц. И я выжила и добралась до вершин своей профессии не только потому, что страшно упряма. Не только.

– Еще пятьсот тысяч, – добавила я, не моргнув глазом, – и тогда я беру на себя все общение с прессой в критических ситуациях, когда не справится отдел по связям с общественностью.

Все правильно: если что-то требуешь, то надо что-то предлагать. А критические ситуации наверняка будут, если уж тюфяк и добряк Макс заговорил о кровопролитии. Кто кроме меня сможет представить это в нужном свете?

Я не занималась бы тем, чем занимаюсь, если бы не была готова ко всему. И Эдвард Финниган не был бы собой, если б не предполагал подобный поворот беседы. Вынув из внутреннего кармана стильного белого пиджака чековую книжку, он равнодушно вписал сумму в нужную строчку и оторвал страницу.

– Ваш аванс, фрин Инга.

Аванс был ровно на полмиллиона больше, чем я предполагала.

Затем мы распрощались до завтра. Бесшумный лифт с зеркалами и настоящим восточным ковром на полу унес Эдварда в личные апартаменты в одной из башен «Финниган Тауэр», и я невольно вздохнула с облегчением. С милым Максом все было намного проще.

– Я вас провожу, – сказал он с какой-то полувопросительной интонацией, складывая свои бумаги в папку.

На кожаной крышке красовался золотой герб Финниганов – разумеется, дракон, пожиравший собственный хвост. Девиз, написанный на древнеаалийском, я знала наизусть: «Честь и ярость».

– Спасибо, – улыбнулась я. – Надеюсь, на стоянке еще есть такси.

Раньше у меня был собственный автомобиль, причем очень неплохой, но после аварии, когда меня выбросило из салона через стекло и протащило по шоссе, я поклялась, что никогда больше не сяду за руль. Хватит с меня.

Макс очень выразительно посмотрел мне в лицо. Должно быть, ему не один раз говорили именно это: «Посади меня в такси и больше не появляйся в моей жизни». Возможно, другими словами, но именно с таким подтекстом. Казалось бы, он тоже дракон и такой же сын старика Финнигана, как и Эдвард, но его никто не воспринимает всерьез. Никому и в голову не придет устраивать для него отбор невест. И ни одна красотка не станет бегать за ним, готовая на все, что он пожелает.

А все потому, что младший сын в драконьей семье не имеет никакого веса, пока жив старший. Если Эдвард, не дай бог, надорвется на какой-нибудь куртизанке, то тогда Макс возглавит семью после смерти старого Финнигана. Но все прекрасно понимали, что этого не произойдет. И поэтому Макс спокойно занимал свое место в тени старшего брата и не пытался претендовать на что-то большее. Вел те дела семьи, которые не требовали ни особенных знаний, ни звездного статуса, преподавал экономику и раз в пару месяцев посещал Красный квартал, где в заведении мадам Жетты его встречали как лучшего друга.

Он мне нравился, этот Макс. В нем было что-то очень спокойное.

– Уже поздно, – ответил он, и над его головой вспыхнуло несколько искорок – будто бабочки раскрыли крылья. – Нормальное такси не вызвать, так что не отпирайтесь, фрин Инга. А если боитесь, что я узнаю, где вы живете, – что ж, я и так знаю.

Разумеется, он был в курсе, что я обитаю в Нижнем городе. Странно было бы, если б умница Макс не навел обо мне справки.

– Что ж, – сдалась я, – похоже, вы правы. Тогда поедem.

Макс ободряюще улыбнулся. Интересный, обаятельный, умный, но держится в тени и не хочет выходить на свет. Великое это дело – мужчина, знающий свое место.

– Только позвоню отцу, – сказал он и, взяв со стола смартфон с надкусанной грушей на панели, отошел к окну. Я опустила глаза к коврам: конечно, я не подслушиваю. Просто рассматриваю гипнотизирующие прихотливые завитки узоров на ворсе.

– Да, это я. Да, все готово. – Макс покосился в мою сторону и снова улыбнулся.

Хороший такой мужчина, с которым можно прожить спокойную жизнь в любви и верности – ровную жизнь, похожую на речную гладь. Ни потрясений, ни эмоций. Почти всем нужно только это. О любовных бурях и штормах лучше читать в книгах, в жизни они только раздражают.

Я улыбнулась в ответ. Совершенно искренне.

Искры над головой Макса мелькали маленьким облачком.

– Фрин Инга его убедила, – продолжил Макс, – завтра начнем подбор кандидатур. Он одобрил наш проект, можем запускать шоу.

Вот даже как. Хотя удивляться нечему. Вряд ли Макс позволили бы придумать это шоу самому. Как там сказал Эдвард? Делать семью посмешищем для быдла внизу?

Папаша Финниган понимает больше, чем сыночек. Мир постепенно меняется. Если раньше драконы правили им, то постепенно люди отвоевывают себе все больше и больше. И это следует учитывать, если драконьи семьи не хотят в один прекрасный день лишиться всех своих счетов и башен.

– Да, разумеется. – Макс вновь посмотрел на меня, на этот раз – без улыбки. – Конечно.

И, проведя кончиком пальца по экрану, убрал смартфон в карман. Разговор завершился. Интересно, что сказал сыну папаша Финниган? Велел меня сбросить с башни или испепелить?

– Вы странно на меня смотрите, фрин Инга. – В голосе и взгляде Макса было прежнее тихое добродушие.

Впрочем, я бы вряд ли до сих пор была жива, если бы имела опасную привычку считать окружающих дурачками.

– Да вот гадаю, сможете ли вы что-то поджечь этими искрами, – очаровательно улыбнулась я.

Макс провел рукой над головой, и огненное облако рассеялось.

– А что, хотите взглянуть? – поинтересовался он.

Я хотела. Очень хотела.

Макс потянул за ручку, скрытую за тяжелыми складками кроваво-красных штор, и панорамное стекло бесшумно скользнуло в сторону. В кабинет ворвался свежий воздух, развеивая табачный запах. Город еще не спал. Он шумел колесами мобильных, бурлил звуками счастья и горя, и отсюда, сверху, его голос, состоящий из тысяч голосов, был песней.

Я ощутила прохладное прикосновение страха. Легкое, почти незаметное. В конце концов, я была далеко от окна, и моя боязнь высоты пока только просыпалась, еще не мучая и не вызывая тошноту. Макс подошел ко мне и протянул руку все с той же добродушной улыбкой.

– Не стоит так дрожать, – сказал он. – Я вас ничем не обижу.

– Я и не дрожу, – предсказуемо ответила я.

А ведь он был прав: по спине пробежал знакомый холодок, и пол медленно-медленно начал уходить из-под ног. Дракон не был бы драконом, если бы не умел влиять на людей. Рука Макса оказалась теплой и неожиданно сильной. Никакого намека на ожидаемое вялое рукопожатие, каким обычно одевают похожие на него люди. Движение, которым он прижал меня к себе, было молниеносным и настолько сильным, что сопротивляться бесполезно, все равно не вырвешься.

Жаль, что это не Эдвард. Не мужчина в белой сорочке, ткань которой соблазнительно очерчивает его сильное гибкое тело.

– Не бойтесь, – ободряюще повторил Макс. – Я вас не уроню.

Не уронит? Что он собирается делать, дьявол его поberi?

Облачко искр над головой Макса дрогнуло, увеличиваясь в размерах, медленно-медленно окутало нас обоих почти непроницаемой искрящейся завесой. Но пламя не обжигало – я чувствовала только приятную прохладу, когда очередная искра прикасалась к коже.

– Инга? – окликнул Макс, и в его голосе звучали лукавые нотки, словно он приготовил сюрприз и очень хотел узнать, понравится ли мне неожиданный подарок.

– Что? – спросила я и не расслышала своего голоса.

Огненное облако становилось все плотнее, и в его туманном мареве проступили очертания громадных перепончатых крыльев. Крылья дрогнули, уплотняясь, разворачиваясь, словно лепестки весеннего цветка. Чужие руки, обнимавшие меня, наполнялись тяжелой силой.

«Вам понравится», – прозвучал голос Макса уже в моей голове.

В следующий миг мы оба рухнули куда-то вниз.

Огромный ящер – золотистый, с красноватыми искрами на сверкающих пластинах чешуи – вылетел в окно «Финниган тауэр», и на мгновение я перестала дышать, превратившись в крик. Нужно было делать хоть что-то, и я верещала от ужаса так, что сорвала голос. Город ударил в лицо россыпью огней и вдруг наклонился и ушел куда-то в сторону и вниз. Небоскреб, из окна которого мы вылетели, превратился в крошечную башенку с огоньком на крыше, здания внизу выглядели совсем игрушечными.

Страх растаял, словно его никогда и не было, настолько удивительной оказалась эта ночь. Крылья дракона хлопали медленно и тяжело, словно он давным-давно не летал и разучился ими пользоваться. Ветер гудел в ушах. Сейчас город превратился в пригоршню огней, небрежно рассыпанных на темном ночном шелке. Изогнутые желтоватые когти драконьих лап держали меня очень осторожно, но я понимала, что если Макс захочет, то ему понадобится всего пара легких движений, чтоб разорвать меня пополам. Но громадный ящер нес меня... Я вдруг поняла, что «трепетно» было самым подходящим словом. Он не обманывал – бояться действительно было нечего.

«Ну как? – вновь прозвучал в моей голове голос Макса. – Нравится?»

Я растерянно молчала, понятия не имея, что можно на это ответить. Слово «нравится» было слишком маленьким, слишком ничтожным для описания того восторга, который сейчас сжимал горло, с трудом позволяя дышать. Ветер хлестал по лицу, высушивая набегающие слезы, стоило им только появиться, а в какое-то мгновение по щекам ударили дождевые капли, остудив пылающую кожу: мы пролетели сквозь облако.

«Как это может не нравиться?» – ответила я вопросом на вопрос, и дракон вскинул голову и с ревом выбросил в сторону луны струю гудящего огня. У меня хватило сил, чтоб зажмуриться, но пламя было настолько ярким, что ночь превратилась в полдень, и сквозь закрытые веки я увидела, как дракон величаво развернулся и неторопливо направился вниз, к городу.

Я не помню, как закончился полет. Вроде бы только что подо мной извивалось черное, тускло блестящее тело реки с золотыми оковами мостов, и город казался игрушечным, застывшим в ожидании маленького хозяина, который куда-то ушел, – и вот мы с Максом уже стоим на пустом перекрестке неподалеку от моего дома, светофор меланхолично перебирает красный и

зеленый, в круглосуточной забегаловке гудит кофемашина, пахнет свежесваренным эспрессо, и из музыкального автомата несется ленивый голос с картавой хрипотцой: «Каждый хоть раз в жизни, но полюбит. Каждый хоть раз в жизни, но найдет...»

Я машинально вцепилась в руку Макса – ноги снова подкосились. Лицо горело так, словно мне от души надавали пощечин. В ушах до сих пор стоял гул ветра, и я смотрела на знакомую улицу, но видела лишь огненные искры во тьме.

– Все хорошо? – почти испуганно спросил Макс.

Надо было как можно быстрее взять себя в руки. Младший брат оказался не таким простаком, как поначалу думалось. Он с легкостью выбил меня из состояния привычного спокойного равновесия и увидел растерянной и удивленной – такой, какой я почти никогда не бываю.

Горло стиснуло невидимой лапой, но я все-таки смогла заговорить, и мой голос не звучал как ломкий голосочек испуганной институтки:

– И как часто вы так впечатляете девушек, фро Макс? Теперь мне следует пригласить вас к себе и отблагодарить за подаренное чудо?

Лицо Макса дрогнуло, словно я ударила его. Я редко стыжусь чего-либо, но сейчас мне стало по-настоящему стыдно. Он действительно от чистого сердца подарил мне чудо – просто взял и подарил, а я...

– Простите, – тотчас же попросила я. – Мне не следовало говорить с вами так, как с вашим братом. И мне действительно очень понравилось. – Я посмотрела Максиму в лицо, надеясь, что мой взгляд не покажется ему заискивающим. – Это действительно было чудо. Не могу даже выразить словами, насколько я за него благодарна.

Сделав крошечную паузу, я добавила:

– Вы хороший мужчина, Макс. Я меньше всего хочу вас расстроить.

– Я и не расстроен, – улыбнулся Макс. – То, что вы сказали, было очень предсказуемо, Инга. Но вы правы – не все такие, как мой брат.

Он дотронулся до моего плеча и тотчас же убрал руку. Волна горячего воздуха прокатилась по улице, полыхнуло красным и золотым, и я услышала далекое-далекое:

«Прощайте, фрин Инга».

Хозяин забегаловки выглянул из заведения, вытирая руки серым полотенцем.

– Дракон! – восторженно проговорил он. – Офигеть!

– Я не буду участвовать! Пока хоть одна человеческая курица в списке – не буду!

Фрин Амели Бланк пришла в телестудию «Тренд ТВ» через четверть часа после открытия, оккупировала кабинет, который щедро выделили для руководителей проекта, и емко изложила свою точку зрения на отбор невест для старшего сына Финнигана. Амели была почти двухметровой блондинкой, младшей дочкой драконьей семьи Бланков и считала, что победа в отборе уже лежит в ее сумочке, которая так сверкала стразами, что резало глаза. Да и вся Амели была такой же, задевающей нервы. В ней все было слишком. Слишком тяжелый аромат модных восточных духов, слишком длинные ногти на руках – разумеется, их нарастили в лучшем салоне, слишком короткое платье, дающее возможность всем желающим увидеть, что и розовые стринги у Амели тоже брендовые, украшенные мелкими сапфирами. А хуже всего был голос – то, что вылетало из пухлых алых губ девушки, было похоже на мерзкие вопли базарной торговли, которая продает пирожки где-нибудь на Нижнем рынке.

По большому счету, она ничем не отличалась от человеческих девушек из обеспеченных семей. Смартфоны с надкусанными грушами, шопинг за границей, гонки на спорткарах по столице, и я знала, что в кармане сумочки лежит пакетик с оранжевой пылью, чтоб сделать скучную жизнь хоть немного веселее. Амели была предсказуема – как и остальные драконицы, которые обязательно сюда прибегут.

– Бред! – В подтверждение своих слов Амели хлопнула ладонью по столу, за которым теперь работала я. Тонкий ноутбук подпрыгнул, кофе едва не выплеснулся из чашки. – Хотела бы я увидеть того, кто это придумал! Ха!

– Извольте, фрин Амели, – сказала я, с трудом отвлекаясь от мыслей о том, как Амели подтирает себе задницу, с такими-то ногтями. – Драконий отбор с участием человеческих девушек – именно моя идея. И старый Финниган ее одобрил.

Амели посмотрела на меня так, словно заговорила грязь под каблучками ее золотых туфелек. Во взгляде раскосых карих глаз было столько презрения, что впору бы провалиться под землю и никогда оттуда не выбираться.

Человек встал у руля драконьего отбора. Стыд и срам! Как еще можно об этом думать?

– Ну конечно, – процедила она и швырнула мне в лицо приглашение на отбор. – Ничего другого я и не ожидала.

Дизайн этих больших квадратных открыток мне не нравился. Слишком много золота и завитушек, слишком плотная бумага. Но драконам по душе именно такое – отдел рекламы работал всю ночь, чтоб к завтраку главные участницы отбора из драконьих семей уже получили только что отпечатанные приглашения, пахнущие типографской краской и розовым маслом.

Конечно, о том, что на отбор приглашены и человеческие участницы, еще нигде не сообщалось. Кампанию запустят сегодня ровно в полдень. Но слухами земля полнится.

– Вообще-то Финниганы уже выбрали победительницу, – равнодушно сообщила я, с нарочитым безразличием отодвинув приглашение в сторону. – Отбор станет просто новейшим шоу. Ну, хочется иногда чего-то остренького, правда? Рейтинги, слава, деньги, самые модные тренды... Но, впрочем, не хотите – как хотите. Позвоню Эдварду и скажу, что он должен выбрать кого-то еще.

Амели едва не выпрыгнула из кресла. Куда только девались обида и гонор!

– Нет-нет, ни в коем случае! – воскликнула она, хватая приглашение. Ногти хищно клацнули по зеркальной полировке столешницы. – То есть можно уже покупать платье?

– Нет, – сказала я таким тоном, что Амели села и положила руки на колени, как воспитанная девочка, которой никогда не была. – Вы уже победили. Но если об этом узнает хоть кто-то до окончания проекта – ваша мать, отец, кто угодно, – то вы вылетаете. Сразу же. Такого распоряжение старого Финнигана.

Конечно, старик ничего подобного не говорил. Но у его сыновей свои планы. В конце концов, шоу должно быть интересным.

– Хорошо, – послушно кивнула Амели. – Ради такого можно и потерпеть этих куриц. Много их будет?

– Планируем двадцать, – сказала я. – И десять девушек из драконьих семей.

Амели презрительно фыркнула.

– Скажу Эдварду, что на отборе нашего сына не будет никаких куриц!

Вот как далеко заглядывает! Я улыбнулась.

– Это уже вам решать. А самое главное... – я сделала паузу и, пристально посмотрев на Амели, промолвила: – Одной можно подпалить перышки.

Над головой Амели закружились искры. Если все, что она делала с момента нашей встречи, было игрой и попыткой набить себе цену, то теперь Амели действительно заволновалась.

Сжечь живого человека – запретная и желанная забава. Сжечь человека в прямом эфире, с полученным на это разрешением, – я не представляла, что для дракона может быть слаще. Конечно, они иногда сжигают людей. Бездомных, например, – тех, кого точно никто не будет искать. Но чтоб вот так расправиться с конкуренткой, которая тебе и не конкурентка вовсе... Теперь в глазах Амели было лишь предвкушение и наслаждение.

– Замечательно, – улыбнулась она.

Я окинула ее пристальным взглядом и сказала:

– Советую прямо сейчас отправиться к врачу на гименоластику. После начала проекта вам уже не представится такой возможности.

Участницы отбора должны быть девственницами – такова древняя традиция, и никто не собирался ее нарушать. Но невинность Амели давным-давно стала чем-то из области фантастики – стоит хотя бы заглянуть в ее закрытый для посторонних профиль в одном из фотоприложений, где полным-полно снимков в компании обнаженных чернокожих красавцев с такой мужской статью, что даже страшно становится. Это замуж Амели собиралась только за дракона, а для банального секса вполне сойдут и люди.

Амели понимающе кивнула.

– Да, я уже записалась. Будут проверять?

Тут уж я не смогла не улыбнуться.

– Разумеется. Сразу же, как только начнется обустройство на проекте. Согласитесь, неприятно будет вылететь в первый же день.

Амели печально качнула головой и встала. Поправила платье, прикрывая сверкание камешков на стрингах.

– Тогда всего доброго, – сказала она и чуть ли не смущенно добавила: – Извините.

– Ничего страшного, – милостиво махнула я рукой, и Амели ушла. Каблочки процокали к лифту.

Я провела ладонями по лицу, и в этот миг ожил мой ноутбук: включилось приложение для переписки, и в окошке всплыло: «Эдвард Финниган: Фрин Инга, зайдите в переговорную».

Ага, значит, Эдвард уже здесь. Утром Макс написал, что брат на месяц отошел от дел, чтоб полностью посвятить себя отбору. Должно быть, старый Финниган распорядился.

О нашем вчерашнем полете Макс никак не упомянул, в короткой переписке был вежлив чуть ли не до сухости. Я понимала, что задела его, и он, внешне приняв мои извинения, по факту так и не принял их. Ладно. Разберемся.

Перед тем как идти в переговорную к Эдварду, я заглянула в уборную, примыкавшую к моему кабинету. Заперев дверь, некоторое время смотрела на себя в зеркало – да уж, таким видом только кошек пугать в подворотнях. Бледная до синевы, короткие рыжие волосы взлохмачены, темно-карие глаза запали – я сейчас была похожа на привидение.

Провела дрожащей рукой под краном, и в фаянс раковины ударила тугая струя ледяной воды. В кармане брюк лежал крошечный пузырек. Я достала его, осторожно открутила крышечку и вытряхнула на ладонь серебряный шарик пилюли.

На мгновение мир утратил запахи, звуки и цвета. Так всегда бывает, когда глотаешь хортасин, мое проклятие и благословение, которое позволяет вести почти нормальную жизнь. Я оперлась о раковину, постояла несколько минут, приходя в себя. Глотнула ледяной воды. Вот и все, можно жить дальше. Можно быть собой, не думая о том, что за порогом подстерегает безумие и все, что находится рядом, начинает рассыпаться серым пеплом.

Можно даже не бояться высоты.

Переговорная вполне предсказуемо размещалась на верхнем этаже. Чего еще ждать от драконов? Они забираются повыше и в обществе, и в зданиях. А когда-то устраивали гнезда на вершинах гор и камнем бросались оттуда на головы несчастных путников.

После хортасина жизнь казалась прекрасной. Что может быть лучше, чем чувствовать себя здоровой? Я прошла в переговорную, не дожидаясь приглашения, села в одно из кресел за огромным овальным столом и сказала:

– Девица Бланк едва не выпарапала мне глаза.

Эдвард стоял возле окна. Сегодня он забыл про дресс-код: на нем была белоснежная футболка без рисунков и логотипов и модные узкие джинсы, порванные на коленях. Я отвела

взгляд: стоит посмотреть на этого дракона, и в голову лезут совершенно неприличные мысли. Например, о том, как бы снять эту майку и дотронуться до его груди, провести по плечам – осторожно, самыми кончиками пальцев.

– Это было великолепно, – с серьезным видом оценил Эдвард.

Он, похоже, прекрасно понимал, как действует на окружающих, и искренне наслаждался этим. Из динамиков аудиосистемы неслась соната Альтини – фортепиано звучало словно бойкий ручеек, прыгающий по камням, и обстановка в переговорной была далека от официальной. Почти свидание.

– Подсматривали? – с легкой укоризной спросила я.

По красиво очерченным губам Эдварда скользнула улыбка.

– Я думал, она разорвет вас, когда вы заговорили о гименопластике.

Он был прав: в тот момент я в прямом смысле слова играла с огнем. С заносчивой и обидчивой Амели действительно случилось бы испепелить меня. Какая-то человеческая женщина, «быдло внизу», не имеет права говорить ей подобные вещи. Даже намекать.

– Я просто делаю свою работу, – ответила я. – В шоу будет интрига, но не в вопросе девственности участниц.

Эдвард понимающе кивнул. Это было отголоском старой традиции, когда право первых ночей всегда принадлежало только драконам. Правда, со временем они решили, что от этого права больше мороки, чем удовольствия и практического толка, но на отборе традиции необходимо было чтить.

– Впрочем, это не то, о чем я хотел поговорить. – Теперь в голосе Эдварда звучали такие нотки, что хотелось вытянуться во фрунт и внимать, слепо глядя в никуда.

Дракон подошел ко мне и, встав за креслом, неожиданно опустил тяжелую горячую руку на мое плечо. Я хотела этого прикосновения. Хотела, чтобы Эдвард дотронулся до меня. Но сейчас мне стало жутко чуть ли не до колик. Прикосновение оказалось жутким. Давящим. В нем было лишь тяжелое гудение стены огня.

– Я хотел поговорить о вашем вчерашнем полете с Максом, – продолжал Эдвард. – Вы производите впечатление очень умной женщины, фрин Инга. Скажу честно: я в хорошем смысле поражен вами. Оставайтесь такой же умной. Останетесь?

Что я могла ответить?

Я кивнула.

– Дело в том, что мой брат во многом не такой, как все драконы, – продолжал Эдвард. Поддев ногой одно из кресел, он подкатил его поближе и сел рядом. На мгновение запах его одеколона стал резким, словно кто-то перевел до упора невидимый рычажок насыщенности. – Макс очень добрый и во многом наивный. Настолько, что верит: все изначально хорошие. Вы представляете такое в драконьей семье?

– Смутно, – призналась я.

Сейчас следовало говорить спокойно и уверенно. В конце концов, моей вины ни в чем не было.

– И я смутно, – вздохнул Эдвард. – Но вот таков наш Макс. И если вы, фрин Инга, вдруг надумаете разбить ему сердце, то я разобью вам голову. Выброшу из окна.

Это было сказано настолько серьезно, что не оставляло простора для толкований. Эдвард не шутил, он просто говорил о том, что будет. Подведет меня к открытому панорамному окну и толкнет вниз.

– Если я скажу, что не собираюсь крутить роман с вашим братом, то вы мне не поверите, – устало вздохнула я.

Эдвард усмехнулся. Над его головой снова вспыхнули искры, и я удивилась: нервничает? С чего бы сейчас?

– Разумеется, – ответил он. – Я видел, как вы вчера летали. Это всегда производит впечатление.

– Верно, – откликнулась я. – Меня тоже впечатлило. Но я боюсь высоты.

Эдвард пристально посмотрел на меня, словно хотел понять, действительно ли я дура или просто прикидываюсь.

– И я не имею привычки смешивать работу с личной жизнью, – напористо продолжала я. Сейчас надо было как можно уверенней гнуть свою линию, не давая Эдварду опомниться и вставить хоть слово. Тем более у меня в самом деле не было никаких видов на Макса. Он хороший и даже в моем вкусе, но я всегда прекрасно понимала, где именно мое место. Должно быть, поэтому и жива до сих пор. – Ваш брат – замечательный мужчина. Но любое общение с ним никогда не выйдет за определенные рамки. Это только работа, которую я хочу успешно завершить. Не больше. Можете не сомневаться.

Некоторое время Эдвард молчал, словно прикидывая, могу ли я нагло врать ему в лицо. Музыка затихла, и в переговорной воцарилась хмурая давящая атмосфера. Так бывает перед грозой: мир застывает и неподвижно ждет, когда разразится буря.

Но на этот раз гроза прошла стороной. Эдвард провел под носом кончиком пальца, стирая выступившие капли пота, и произнес:

– Он вернулся вчера сам не свой. Ничего, конечно, не сказал, но я вижу, когда он взволнован.

– Только работа, – твердо сказала я. – Между нами может быть только работа.

На столе лежала стопка реклам, запаянная в прозрачный тонкий пластик: мужчина обнимал девушку в свадебном платье на фоне синего вечернего неба и «Финниган тауэр». Я мотнула головой в сторону стопки и добавила:

– Это все, что мне сейчас интересно. – Не хватало еще, чтоб младший Финниган запал на меня, но этого я, конечно, не сказала вслух. – Можете быть спокойны. Я умею переводить любовь в дружбу, а дружбу – в přátельство.

– Я узнал о вас все, – признался Эдвард, – но вы все-таки меня поразили. Разумеется, в хорошем смысле. Как ни крути, вы человеческая женщина, к которой проявил внимание дракон. Не устоять.

Это верно, не устоять, но только если бы на месте Макса оказался бы его старший брат.

– На работе у меня нет ни мужчин, ни драконов, – призналась я. – Только работа.

Эдвард вновь оценивающе посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло странное выражение.

– Что ж, – произнес он и ослепительно улыбнулся. – Так будет интереснее.

Милли приехала ровно в одиннадцать утра. Если Амели добиралась к нам в дерзко-алом кабриолете с открытым верхом, то Милли привез самый заурядный седан с шашечками такси. Похоже, девушка не водила сама. Я мельком видела ее, когда договаривалась с Дварксоном, и тогда Милли мне понравилась. Пожалуй, она была бы прекрасным вариантом для Макса: тихая, спокойная, всем сердцем стремится любить и быть любимой. Если Амели привлекали модные шмотки, блестящие цацки и красавцы с большим мужским достоинством, то Милли интересовалась в первую очередь книгами и крупными выставочными залами. Я знала, что она учится на искусствоведа в Первом гуманитарном университете, и прекрасно понимала, что Эдвард никогда не сделает счастливой эту девушку в стильном деловом костюмчике и круглых очках.

Про гименопластику тем более не стоило упоминать – Милли была невинна. Флер этой нетронутости окружал ее, словно облако дорогих духов.

– Добрый день, – улыбнулась она, протягивая мне маленькую руку. Ногтищ, которые так холила и лелеяла Амели, тут в помине не было: скромный маникюр, который не мешает держать кисть и палитру. – Меня зовут Милли Дварксон, я приехала познакомиться.

– Добрый день, фрин Милли. – Сейчас, глядя на Милли, мне хотелось улыбаться совершенно искренне, а не потому, что это положено делать, когда общаешься с дочерью одного из самых влиятельных людей в стране. – Я Инга Шуман, организатор проекта.

Вопреки ожиданиям, рукопожатие Милли оказалось крепким. Девушка знала себе цену – именно себе, а не отцовским деньгам. Это мне тоже нравилось. Люблю тех, кто не склонен плыть по течению жизни, даже если от этого – одни удовольствия и выгоды. Человек на то и человек, чтоб всегда идти своей дорогой.

– Я вас видела, вы к нам приезжали, – сказала она. – Очень приятно познакомиться, фрин Инга, – и тут же без всякого перехода спросила: – Будет страшно?

В тумбе моего стола, как и во всех рабочих столах, был маленький бар. Пусть пока всего одиннадцать утра, его уже можно открыть. Я вынула две крошечные бутылки северского красного и протянула одну Милли. Девушка и бровью не повела, молча открутила крышечку и сказала:

– Вижу, что будет.

– Не хочу вас обманывать, – вздохнула я. Запах вина мазнул по ноздрям, это был запах воспоминаний. – Десять дракониц, которые ненавидят вас, человеческих девушек, просто потому, что вы будете с ними в одном помещении. И все – и люди, и драконы – готовы рвать друг друга. Потому что на кону – законный брак с Эдвардом Финниганом.

Милли покосилась куда-то в сторону тем самым взглядом, который появляется тогда, когда люди хотят узнать, есть ли в помещении прослушка.

– Помогите мне покинуть проект, фрин Инга, – негромко попросила Милли. – Я не хочу замуж за Финнигана.

Я опешила. Все девушки испокон веков мечтают выйти замуж за принца – так вот он, самый настоящий принц. Красив, умен, богат. Ну, хам и бабник, конечно, так кто из нас без греха? Сегодня в полдень по всем телеканалам и во всех социальных сетях объявят о проекте, а в пять минут первого возле телестудии уже будет толпа девиц, рвущихся в невесты дракона.

А Милли не хочет.

– У вас уже есть жених? Возлюбленный? – уточнила я, осушив свою бутылочку.

Пожалуй, за такие вещи надо пить не чокаясь. Папаша Дварксон открутит лихую башку этому парню и глазом не моргнет. Милли отрицательно мотнула головой. Заправила под рукав braslet с шармом-совой.

– Нет, конечно. Я просто не хочу, – и добавила шепотом, словно говорила невероятно кошунственную вещь: – Он мне не нравится.

Я вспомнила, как ткань белой футболки нежно охватывала сильное смуглое тело Эдварда, и едва не сказала, что Милли дура. Как такой мужчина может не нравиться?

Хотя у девушек вроде Милли – свои интересы и планы на жизнь. И мужчина, который будет вполне предсказуемо относиться к навязанной жене, вряд ли в них входит. Это не Макс – уж он-то стал бы вести себя иначе. И Милли получила бы любовь, заботу и нежность, о которых всегда мечтала. И ее семейная жизнь была бы счастливой.

Но все получается так, как получается. К тому же как там классик говорил – у каждого свой вкус, не угодить на всякий нрав.

– Это ведь династический брак, по большому счету, – сказала я. – Вы ведь понимаете, фрин Милли, что отец так или иначе выдал бы вас замуж так, как нужно именно ему, а не вам. И пусть это будет молодой и красивый Эдвард Финниган, чем какой-нибудь старый и страшный денежный мешок.

Мы невольно улыбнулись, представив этот самый денежный мешок на коротеньких ножках, и тотчас же снова стали серьезными.

– Понимаю, – кивнула Милли. – Но я не овца, которую ведут на убой. И никогда этой овцой не стану, отцу тоже следует это понимать. Говорят, на шоу собираются кого-то сжигать в прямом эфире?

Разумеется, я не стала в этом признаваться.

– Есть такие слухи, – кивнула я, – но они останутся слухами. Никто из дракониц не захочет отправиться с проекта прямиком в тюрьму. Законы все знают.

И спасибо президенту Сальцхоффу, который их ввел и отстоял, изменив наш мир. Теперь можно жить спокойно, не опасаясь, что тебя испепелят просто ради забавы. Драконы, конечно, недовольны, но люди год от года становятся сильнее, и все это понимают.

– Вам ведь нужно шоу? – не сдавалась Милли. – Вот пусть и будет шоу. Пусть одна из дракониц меня сожжет – можно ведь смонтировать, чтоб все выглядело именно как сожжение.

Так, Милли, кажется, я поняла, что именно ты задумала.

– Решили сбежать от папы? – спросила я, задумчиво водя ручкой по зеленому листку для записей. Вскоре среди каракулей уже были мой номер телефона и слова: «Позвоните в восемь вечера». Милли едва заметно прикрыла глаза: прочла, поняла, запомнила.

Умница-девочка. У такого папаши – и такая умница.

– Нет, конечно, – ответила она и снова прикрыла глаза. «Да», – поняла я. – Просто хочу, чтоб он увидел, что со мной так нельзя.

– Так вы ничего ему не докажете.

Интересно, о чем думает Эдвард, слушая нашу беседу? Может, хочет лично спалить эту девчонку и разом избавиться от всех проблем? А может, он вообще не слушает, и тогда я напрасно рву листок, убедившись, что Милли все запомнила. – Только дискредитируете свою семью вместе с Финниганами. Этого вам никогда не простят. И я уверена, что отец заберет вас из университета и посадит под замок.

Милли побледнела. Учеба была ее слабым местом, и она прекрасно понимала, что отец запретит учиться, если дочь вздумает оказывать сопротивление. Жены драконов никогда не выходили дальше ворот замков. Пусть традиция давно забыта, ее можно и возродить.

– Я вам сочувствую, фрин Милли, – призналась я. – Искренне, по-женски, сочувствую. Я понимаю, что чувствуешь, когда тобой манипулируют. Но, сопротивляясь, вы можете потерять все, чего с таким трудом достигли. Так что я вам также искренне советую: смириться. И в этой ситуации есть свои плюсы.

Правильные вещи говорить очень легко.

– Например? – Милли шмыгнула носом. Я ободряюще улыбнулась.

– Например, лучший мужчина страны в вашей постели.

Видит бог, я бы очень хотела оказаться на ее месте хотя бы на одну ночь. Но, конечно, об этом я говорить не стала.

Я немного ошиблась в расчетах.

Первые претендентки прибежали на кастинг ровно в двенадцать часов две минуты. Причесанные и накрашенные на скорую руку, они выглядели так, что Эдвард должен был спасаться бегством. Одного взгляда на них хватало, чтоб понять: такие пойдут по головам и добьются своего.

На кастинг Эдвард не явился. Наверняка сидел в кабинете, закинув ноги на стол, лениво перелистывал какой-то журнал и смотрел на огромный монитор, периодически отпуская ядовитые комментарии по поводу желающих выйти за него замуж. Уверена, что ему сейчас хотелось совсем другого: отдельный кабинет в дорогом клубе, игристое вино по десять тысяч за бутылку и податливая девица с умелыми руками.

Не знаю, почему мне так думалось. Я не видела Эдварда. Мы с Максом и двумя людьми, входящими в состав жюри, сидели в студии, смотрели, как девочки в форменных золотых костюмчиках записывают желающих принять участие в кастинге, и было ясно, что уйдем мы отсюда за полночь.

– Надо будет заказать обед, – заметил Макс. Одна из девушек принесла ему планшет со списком первых участниц, и Макс удивленно вскинул брови. Похоже, такой наплыв девушек был для него сюрпризом.

– Еще и ужин придется заказывать, – вздохнула я. – Будем лопать спагетти с осьминогами и задавать вопросы.

Макс посмотрел на меня и мягко улыбнулся. У меня, честно говоря, от сердца отлегло. Я не хотела, чтоб он досадовал или сердился.

– Любите осьминогов, фрин Инга? – поинтересовался он.

– Честно? Ненавижу. Я жареное мясо люблю и пиво.

В глазах Макса появились веселые искорки. Пусть уж лучше смеется надо мной, чем думает о том, что у нас возможны какие-то отношения, кроме дружеских. Потому что я непременно разобью ему сердце. А его брат разобьет мне голову – он не из тех, кто бросает слова на ветер.

– Странный выбор для молодой женщины, – заметил Макс.

– Вот давайте лучше спросим, что любит эта девушка, – сказала я негромко и тотчас же включила микрофон. – Добрый день, фрин... Агнесса. Любите спагетти с осьминогами?

Жюри было скрыто во мраке, и девушки наверняка думали, что среди темных фигур сидит и Эдвард. Агнесса, пухлая блондинка в леопардовых лосинах, вздрогнула от неожиданности. Круг света, в котором она стояла, делал девушку беззащитной.

– А? Спагетти? – Она быстро сориентировалась. – Люблю. Я люблю все, что нравится Эдварду.

Чего-то в этом роде я и ожидала. Милли становилась все более симпатичной. Она шла своей дорогой, а не плелась в кильватере чужой жизни и чужих желаний.

– Почему Эдвард должен жениться именно на вас? – поинтересовался Макс.

Блондинка растерянно замолчала. Она знала, почему хочет выйти замуж за дракона, и понятия не имела, что может дать сама.

– Ну... потому что я его люблю, – наконец сказала она, и на ее щеках появился нервный румянец.

Казалось, девушка готова расплакаться. Я заметила, что Макс смотрел на нее без улыбки. Над его головой вспыхнула искра и погасла.

– Спасибо, фрин Агнесса. – Я решила взять дело в свои руки и не доводить девушку до истерики. – Мы позвоним вам.

Второй была тоже блондинка, но настолько худая, что мне стало жутко. Торчащие колени и локти, острые черты лица и темные горящие глаза – то ли больна, то ли сидит на диете, что, впрочем, почти одно и то же.

– Фрин Берта. – Макс посмотрел в планшет и попросил: – Расскажите о себе.

– Что именно? – В отличие от внешности, голос у Берты оказался приятный. Мягкий и очень женственный. И жест, которым она откинула волосы на спину, тоже был женственным и плавным.

– Что любите, – вступила я в разговор. – Чего хотите добиться.

– Я учусь в медицинском, на пятом курсе, – с достоинством ответила Берта. – Буду детским психиатром, считаю, что это очень важная и нужная работа. Люблю детей и животных, немного рисую. Два года работала санитаркой в клинике неврозов.

Я представила себе лицо Амели. Она, девушка из драконьей семьи, в одном проекте с той, которая выносила судна из-под психов. Впрочем, Берта наверняка ее спросит: «Хотите об этом поговорить?»

И драконица облила бы ее пламенем. Я в этом не сомневалась.

– Почему Эдвард Финниган должен жениться на вас? – поинтересовался Макс. Интересно, о чем он думал, глядя на все это?

– Потому что я помогу ему понять, кто он, – четко ответила Берта, и я вдруг подумала, что она мне нравится. Выделила ее имя в своем планшете, и Макс сделал то же самое.

– Спасибо, фрин Берта, – улыбнулся он. – Мы вам позвоним. Спасибо.

Мне вдруг подумалось, что у Макса есть свой психиатр. По вечерам он приходит в кабинет с картинами и дипломами на стенах, ложится на удобную кушетку и говорит, говорит, а над его головой кружится красное золото огня.

– И вам спасибо, – с достоинством ответила Берта, и я подумала, что эта костлявая девчонка мне нравится.

– Берем, – твердо сказал Макс, когда Берта вышла. – Обязательно берем. Психиатр на площадке – это просто находка.

С ним, конечно, все согласились.

Девушка номер три была жгучей брюнеткой с такой большой грудью, что Ральф, один из владельцев телестудии, сидевший со мной рядом, издал восхищенный вздох. На щеке девушки я заметила какие-то блески и спросила:

– Что у вас с лицом?

– Танцами занимаюсь, – беспечно сообщила она. – Вечером выступление. А тут девки новости включили. Мать моя ведьма, я побежала, как была.

Ральф томно прикрыл глаза. Видимо, представил, как выглядит эта грудь во время танцев. Я посмотрела на экран планшета и продолжила:

– Чем еще занимаетесь, фрин Марта?

– Я уже не фрин, – призналась кандидатка. Лямки бюстгалтера под футболкой врезались в ее мягкие плечи, и я подумала, что это, должно быть, очень больно – иметь такую грудь. – Я два раза замужем была. Один раз за хореографом, второй – за таксистом.

Макс вздохнул и закрыл лицо ладонью. Мне захотелось сделать то же самое.

– В кастинге принимают участие только девственницы, – довольно рассмеялся Ральф. – Это первое требование.

Марта махнула рукой.

– Подумаешь, – сказала она. – Какой в этом прок?

– Всего доброго, фря Марта, – произнес Макс так, что не оставалось простора для толкований.

Марта скорчила презрительную гримасу и пошла к выходу, бормоча что-то нецензурное.

– Офигительные буфера, конечно, – оценил Петер, четвертый член жюри, который до этого молчал, делая вид, что его здесь нет.

Все с ним согласились.

Четвертой оказалась дебелая девица с толстой косой – сегодня, похоже, был день блондинок с томными коровьими глазами. В руке девица держала книжку с кричаще яркой обложкой, и Макс тотчас же спросил:

– Любите читать?

– Я филолог, – сообщила девушка и представилась: – Фрин Ксана. Я пишу книги.

Ральф ухмыльнулся и заерзал в кресле, предвкушая веселье. Я тоже сдержанно улыбнулась. Доморощенные сочинители, уверенные в своей гениальности, – что может быть веселее?

– Как интересно, – сказала я, стараясь, чтоб мой голос звучал очень серьезно. – И о чем они?

– Это большая литература, – так же серьезно ответила писательница. Я, конечно, сомневалась, что книги современных классиков издадут с такими обложками, но ведь все может быть? – Роман о маге, который работал против президента Сальцхоффа. Написала три тома, издала один.

А ведь умный ход – взять на кастинг книжку о противниках врага всех драконов государства. Драконы ненавидят Сальцхоффа и память о нем, но тут наверняка заинтересуются. Впрочем, я посмотрела на Макса и увидела, что он смотрит на девушку равнодушно.

Вряд ли она думала о том, что книга польстит драконам. Ее занимало только собственное творчество.

– Почему Эдвард Финниган должен жениться именно на вас? – осведомился Макс. Мне вдруг подумалось, что он представляет, как фрин Ксана горит вместе со своей книгой.

– Потому что я талантлива, – ответила она. – И хочу замуж.

Кто бы сомневался. Ведь, будучи женой Эдварда Финнигана, можно издать все свои книги.

– Спасибо, – сухо сказал Ральф. – Мы вам перезвоним.

Когда графоманка вышла из студии, Макс откинулся на спинку кресла и сказал:

– Давайте все-таки закажем обед. Чувствую, мы тут надолго.

Первый день кастинга завершился в половине второго ночи, и толпа желающих возле телестудии оставалась такой же, как и днем. Ральф предполагал, что девиц, рвущихся в драконьи жены, придется разгонять с помощью конной полиции, но обошлось: претендентки записали номера в завтрашней очереди на руках и принялись расходиться. Какие-то особо упрямые остались ночевать возле здания, расстелив туристические спальники прямо на земле.

Завидую людям, которые готовы ко всему. Хоть к отбору невест, хоть к войне. В их карманах и сумках всегда найдутся необходимые вещи.

У меня началась изжога от острой восточной еды, которую заказал Макс, а от обилия красавиц стало рябить в глазах. Впрочем, девушки во многом были похожи друг на друга – в моде сейчас одинаково длинные выпрямленные волосы, длинные ноги на высоченных каблуках, имплантаты в груди и штампованная форма подбородков и носов. Макс смотрел на них с ленивым равнодушием, впервые напомнив мне дракона, выбирающего самородки, или спокойного варана с островов, лежащего на камнях, нагретых солнцем.

Интересно, драконы – родственники варанов? Конечно, я никогда не буду об этом спрашивать.

Среди девушек были не только точеные красотки: серых мышек, почему-то уверенных в том, что они смогут покорить дракона, оказалось не меньше. Я смотрела, как они мнутя в луче света, не зная, что рассказать о себе, и думала, что моя жизнь могла бы быть такой же скучной. Никаких интересов, кроме желания пристроиться получше, никаких увлечений, кроме сериалов и еды.

И они были уверены, что дракон увидит их и влюбится по уши. С чего бы, интересно?

Впрочем, Макс отобрал одну из этих серых курочек – полненькую девушку, которая отчаянно стеснялась своей по-сельски большой груди, круглых коленок и длинных кос какого-то мышиного цвета.

– Сгорит первой? – предположила я, когда девушка вышла.

Макс неопределенно пожал плечами.

– Это шоу, фрин Инга. И смотреть его будут такие, как она. Смотреть, болеть за нее, повышать нам рейтинги.

– Доведем ее почти до финала, – поддакнул Ральф, и я устало подумала, что не имею никакого представления о том, по каким законам строится шоу-бизнес. Макс сделал какие-то пометки в планшете и сказал:

– Первой сгорит фрин Ксана. Не люблю графоманов.

Похоже, все это время я совершала большую ошибку, недооценивая этого дракона. Но Макс тотчас же посмотрел на меня с обезоруживающей наивностью, словно сожалел о своих словах, и я решила не делать никаких выводов.

Выйдя в просторный холл на первом этаже здания, я миновала расстеленные спальные мешки и коврики претенденток и спустилась на улицу. Ночь была свежей и прохладной, в воздухе разливался запах экзотических цветов – неподалеку находился большой ботанический сад, откуда-то доносились легкие трели ночных птиц. Надо же, здесь, в Верхнем городе, живут птицы, выют гнезда... А вот такси тут, похоже, не поймать: я по-босьяки сунула руки в карманы измятых брюк и несколько минут смотрела по сторонам – зеленых огоньков такси не было.

И что, придется идти домой пешком? Как раз к утру доберусь.

Над спящим городом мелькнула красно-золотая огненная комета. Макс отправился домой в драконьем обличье. А если бы я вчера пригласила его зайти на чашечку кофе – какой дурак пьет кофе среди ночи? – то сейчас бы не стояла тут в одиночестве.

И Эдвард разбил бы мне голову. Не за сердце брата – просто потому, что лезу не в свое дело.

Большой спорткар, похожий на крадущееся животное, бесшумно остановился передо мной. Дверь со стороны пассажира с легким шелестом открылась, и я услышала голос Эдварда:

– Садитесь, фрин Инга.

Меня не надо было приглашать дважды. Я скользнула в царство хрома, натуральной кожи и невиданной роскоши – кресло было настолько мягким, что казалось, будто ты не сидишь в нем, а паришь. Эдвард довольно улыбнулся, и машина рванула с места с такой скоростью, что мир за окном превратился в длинные размытые полосы.

– Я знаю, где вы живете, – сказал Эдвард без улыбки. Руки, лежащие на руле, казались напряженными, словно он хотел что-то сделать и изо всех сил, до вздувшихся посиневших вен, сдерживал себя.

– Спасибо, – ответила я. – Такси тут не поймать, похоже.

– Сегодня слишком много желающих. – Эдвард усмехнулся уголком рта.

Машина вылетела на пустой Большой проспект и стремительно помчалась к Нижнему городу. Там уже нет таких ровных дорог и таких роскошных зданий, там все намного проще, грязнее и тоскливей.

– Все девушки хотят за вас замуж, – сказала я. – Это неудивительно.

На приборной панели вспыхнула золотистая звездочка: заработал автопилот. Эдвард выключил его и в ту же минуту, не выпуская руля, обхватил меня за шею и отработанным уверенным движением притянул к себе.

Его губы оказались неожиданно мягкими и чуть солоноватыми на вкус, а сам Эдвард – почти окаменевшим. В поцелуе не было ни любви, ни страсти – только желание присвоить себе еще одного человека. Автомобиль летел сквозь ночь, над головой Эдварда кружились искры, грозя слиться в огненное облако и спалить нас, а я прекрасно понимала, сколько таких, как я, сидело в этом кресле, – и не могла не откликаться на этот поцелуй, не могла не чувствовать, как по телу разливается предательское тепло, делая меня покорной и мягкой, готовой на все.

В этот миг я не принадлежала себе. Я сделала бы все, что он приказал, – и была бы счастлива, что делаю. Чужие пальцы, лежащие на шее, были твердыми и сильными, чувство нарастающей опасности скулило где-то в глубине, и мы целовались с такой отчаянной яростью, словно это был наш последний поцелуй в жизни.

Это было почти больно.

А потом Эдвард почти оттолкнул меня в сторону и крутанул руль, выравнивая машину. Спорткар влетел в Нижний город, как стрела, и помчался дальше, пронзая улицы, переулки и дороги.

– Ну что, фрин Инга? – спросил Эдвард: по-прежнему без улыбки, почти сурово. – Вам именно этого хотелось?

Губы горели, во рту стоял вкус крови. Я откинулась на спинку кресла и подумала, что это просто обьязано быть сном. Наследник драконьей империи не мог меня целовать. Ему бы и в голову не пришло такое.

– Не слышу ответа, – с нажимом произнес он, и я откликнулась:

– Вы ведь и сами его знаете, этот ответ.

Влечение и желание стали медленно угасать. Теперь я чувствовала нарастающую злость. Мог ведь угробить нас, кретин с крыльями. Вполне могли бы влететь в какой-нибудь столб или неудачно припаркованный фургон.

– Хочу услышать его от вас.

Машина остановилась возле моего дома: вполне пристойного, по меркам Нижнего города, но Эдвард посмотрел на трехэтажное здание в окружении яблоневого сада и презрительно скривился.

– Да, мне хотелось, – вздохнула я. – Но не такой ценой.

– Всем вам нужно лишь одно. – Эдвард дотронулся до виска и опустил руку: это был настолько беспомощный жест, что меня пробрало холодом. – И никого не интересует, что на самом деле у меня на душе.

Я неплохо разбираюсь в людях, и сейчас Эдвард не лукавил. В его словах звучала искренняя горечь.

Но я не могла и не хотела его жалеть.

– Вы ведь в точности такой же, фро Эдвард, – сказала я. – Вас тоже не заботит то, что чувствуют люди рядом с вами. Вы просто тащите женщин в постель отработанным движением. Какой по счету буду я?

Мне удавалось говорить слегка насмешливо, но колени дрожали от страха. Эдвард удивленно посмотрел на меня: похоже, никто и никогда не говорил с ним в подобном тоне. Девушки, которых он вот так целовал, на полном ходу, на грани гибели, просто раздевались и ложились.

К чему лукавить, я и сама готова была раздеться и лечь. Даже сейчас.

Останавливало только чувство самосохранения.

– Вам стало интересно, где у вас душа? – продолжала я.

Должно быть, сейчас вся улица прижалась носами к окнам, все смотрят на сверкающий спорткар и предвкушают зрелище погорячее. Но я не собиралась становиться еще одним телом в коллекции Эдварда. Теперь – не собиралась. Воевать с собой всегда тяжело, но я понимала: стоит пойти на поводу у своих желаний, и все закончится.

Как минимум я потеряю работу. Как максимум – меня больше никто никогда не наймет. Кому нужен специалист, не умеющий владеть собой?

– Вы видите людей насквозь, фрин Инга, – сухо сказал Эдвард. Дверь скользнула в сторону, и в салон автомобиля ворвался ночной ветер. – Возможно, однажды сумеете понять и меня.

– Поступайте с другими так, – спокойно сказала я, – как хотите, чтоб поступали с вами. Не придется обижаться на отказы.

Над головой Эдварда закружилось огненное облачко. Должно быть, в первый раз женщина отказала ему. Он наверняка планировал попользоваться мною прямо в спорткаре, а затем дать пинка, в очередной раз убедившись, что все бабы шлюхи.

Но я не баба. И уж тем более не шлюха.

– Спокойной ночи, фрин Инга, – произнес Эдвард. – До завтра.

Не помню, как я вышла из машины и пошла в дом. Вроде бы только что сидела на золотисто-белой коже кресла – и уже стою в собственной гостиной и смотрю в окно. Спорткар все еще был внизу.

– Доброй ночи, фро Эдвард, – вздохнула я. – Похоже, я первая женщина, которая вам отказала.

Кажется, меня услышали. Спорткар помчался прочь бесшумной стрелой.

Вырвавшись из привычных темных глубин сна без сновидений, я поняла две вещи. Первая – вчера вечером я была настолько выбита Эдвардом из привычной колеи, что забыла принять лекарство. Это было плохо, но не смертельно. Просто двойная доза – и можно жить дальше. А вторая – прямо в центр моего лба упирается пистолет.

Ну что, вполне привычное утро. Как и тьма, которая застилает глаза непрозрачной повязкой.

– Не дергайтесь, фрин, – услышала я негромкий мужской голос. – Ваше оружие мы уже изъяли.

– Мне нужно принять лекарство, – ответила я. С такими лихими и умными надо действовать именно так: спокойно, но непрошибаемо. Сперва то, что нужно мне, – а там и их послушаем. – Пузырек в кармане брюк.

Мужчина негромко рассмеялся и, убрав пистолет, присел на край кровати. По комнате кто-то прошел, и я услышала, как зашелестела одежда. Значит, гостей всего двое – уже легче. Главное – выпить таблетки и дожидаться, когда вернется зрение.

– Вот, – сказал второй. Говор у него был южный, протяжный. – Сколько надо?

– Две, – ответила я и услышала, как открылась крышка пузырька.

Чужие пальцы, едва заметно пахнувшие хорошим мылом, вложили шарики пилюль мне в рот и провели по губам каким-то удивительно порочным движением.

– Глаза, да? – поинтересовался незнакомец и тотчас же рявкнул: – Эй, Пит, убери оттуда руки!

Должно быть, невидимый Пит решил и дальше шарить по моим карманам.

– Глаза, – кивнула я и поинтересовалась, не желая тратить время и силы на догадки: – Чем обязана столь раннему визиту?

Незнакомец рассмеялся.

– Фрин теперь работает с драконами?

Густая вуаль темноты постепенно рассеивалась. Комната была наполнена ярким утренним светом: над Нижним городом всходило беззаботное летнее солнце. Гости было двое: один – здоровяк в спортивном костюме и с кулачищами больше моей головы и второй – молодой джентльмен с подкрученными черными усиками, одетый в светлый костюм в тонкую полоску по моде юга.

– Фрин работает, – кивнула я. – Вопросы?

Джентльмен улыбнулся.

– Когда начнется проект? – поинтересовался он. Похож на большую крысу: смотрит хитро, словно готовит какую-то пакость.

– Через неделю, – ответила я. Сейчас надо было говорить правду, которую незваные гости и так знают. Я некстати вспомнила, как Крыс – будем звать его так – провел пальцами по моим губам, и ощутила брезгливость и злость.

– Очень хорошо, фрин Инга. – Крыс прикрыл глаза и вынул из внутреннего кармана пиджака такой же пузырек с лекарствами, какой был у меня. И пилюли в нем оказались такие же. – Это те лекарства, которые вы возьмете с собой на проект. И будете принимать.

Я пристально посмотрела на него: вроде не смеется. И вроде не дурак. Охранник правильно оценил мой взгляд, потому что оторвался от пристального изучения безделушек на столе и шагнул в сторону кровати, держа руку в кармане.

– Я похожа на идиотку? – поинтересовалась я.

Крыс ослепительно улыбнулся.

– Десять миллионов, фрин, – сказал он равнодушно. Дождавшись, когда мое лицо приобретет нужное выражение, Крыс продолжал: – Не волнуйтесь, состав препаратов практически идентичен. Но наши пилюли помогут вам выполнить одну очень важную работу.

Десять миллионов мне еще никто не предлагал. Никто и никогда – хотя я занималась очень щекотливыми и деликатными вопросами.

– Что за работа, фро?.. – поинтересовалась я.

Крыс улыбнулся, дотронулся длинными некрасивыми пальцами до правого виска.

– Меня зовут Кристиан, фрин Инга. Просто Кристиан.

Что ж, с именем я почти угадала.

– А ваша работа будет заключаться в том, чтобы принести мне две драконьи головы, – продолжал Кристиан. – Братья Финниганы, старший и младший. Семь и три миллиона соответственно.

Некоторое время я сидела молча, без единой мысли в голове. Потом все-таки смогла подумать: «Все верно, младший сын драконьей семьи стоит дешевле».

– Мокруха не по моей части, фро Кристиан, – твердо сказала я, мысленно добавив: «Особенно с драконами. Я не самоубийца».

Кристиан понимающе улыбнулся, словно ожидал услышать именно это.

– Вы даже не представляете, моя фрин, насколько по вашей, – произнес он. – Когда с вами случилось ваше несчастье?

Я устало посмотрела в сторону стола: там, в тумбе, лежала папка с выписками из Центрального госпиталя – папка, дававшая мне право получать самое дорогое лекарство в мире.

– Это генетическое, – ответила я. – Я родилась слепой.

Кристиан поднялся с кровати и протянул мне руку настолько изящным жестом, словно приглашал на танец. Я послушно встала, и он таким же танцевальным легким движением развернул меня спиной к себе и дотронулся до левой лопатки.

– Спорим, я знаю, что там у вас? – негромко произнес он. – Родимое пятно, похожее на расплывчатую стрелу. Верно?

Конечно, это не было особенным секретом. Я хожу и на пляж, и в бассейн, так что увидеть эту уродливую полосу мог любой желающий. Вот только то, как об этом говорил Кристиан, делало из моего родимого пятна какую-то страшную и постыдную тайну.

– Ну и что? – ответила я вопросом на вопрос.

Кристиан усмехнулся и мягко прошептал мне на ухо:

– Вы драконоборец, фрин Инга. Вот и все.

Спустя четверть часа мы сидели в небольшом кафе на соседней улице и пили обжигающий кофе. Как выяснилось, у Кристиана имелась еще и небольшая шляпа с аккуратными загнутыми полями – сейчас, когда она лежала перед ним на не слишком чистой поверхности стола, мой новый знакомый действительно выглядел джентльменом с юга. Тем самым джентльменом, который может прострелить вам глаз, если вы станете сопротивляться. Охранник расположился за соседним столиком – молчаливая громада, которая просто делает, что велено. Хозяин правильно понял ситуацию и повесил на дверь табличку: «Закрыто на спецобслуживание».

– Драконоборцев истребили, – уверенно сказала я. Кофе прочистил голову, вернув мне привычное равнодушно-насмешливое отношение к жизни. – Много-много веков назад. Так что иногда пятно – это просто пятно.

Кристиан пригубил кофе, довольно прикрыл глаза. В этой сытой удовлетворенности было что-то от братьев Финниганов.

– Президент Сальцхофф был драконоборцем, – произнес Кристиан. – Мой дед работал в его администрации, так что я знаю, о чем говорю.

– Подождите-ка, – сказала я, догадавшись, чьи именно черты вижу в своем новом знакомом. – Вы внук Элиаса Семеониди?

Элиас был правой рукой Сальцхоффа, сподвижником и опорой. Его портрет печатали рядом с портретом президента во всех учебниках – вдвоем они смогли лишить драконов той власти, которая была у них испокон веков, вдвоем они создали наш привычный мир. Кристиан с достоинством кивнул.

– Моя фамилия Семеониди, – произнес он. – Но дед не был драконоборцем, и я тоже не из их числа. Впрочем, это не мешает мне продолжать семейное дело.

– Истреблять драконов? – спросила я почти насмешливо и тотчас же вспомнила о десяти миллионах на кону. Кристиан снова кивнул.

– Истреблять драконов. Раньше драконоборцев готовили с детства, но вы, моя фрин, конечно, никогда не занимались ничем похожим. Вы лечили вашу слепоту по специальной медицинской программе, которую запустил Сальцхофф.

Об этом я не знала.

– Да, – кивнула я. – Лечила слепоту. Нормально видеть смогла только в школе. Вы ведь в курсе, сколько стоят мои пилюли?

Не стала добавлять, что я пошла в решалы именно потому, что хотела видеть. Кристиан понимающе качнул головой.

– Я в курсе, фрин Инга. Я, видите ли, руковожу компанией, которая производит ваше лекарство.

Хозяин заведения убрал грязные чашки с нашего стола и принес новые, с только что сваренным кофе.

– Это модифицированная версия вашего препарата, – продолжал Кристиан, когда хозяин вернулся за стойку, переглянувшись с охранником. – Во-первых, она пробудит в вас особые способности – вы сможете сразиться с драконами. А во-вторых, замаскирует их до нужного момента. Никто из драконов не увидит в вас драконоборца – до самого конца.

Я впервые за очень долгое время почувствовала себя беспомощной. Все уже было решено за меня, сопротивляться бесполезно. Я прекрасно понимала, что не сумею убить Эдварда и Макса, вот просто не смогу, – но Кристиан не собирался меня слушать.

– Я никогда и никого не убивала, – призналась я, глядя ему в лицо: светложее, худое, с прозрачными зеленоватыми глазами. – Мое оружие – разум. У меня не получится принести вам головы Финниганов, поверьте.

Кристиан наклонился ко мне и произнес лукавым тоном бывалого заговорщика:

– Вы себя недооцениваете, фрин Инга. У вас получится.

Глава 2

Милли Дварксон позвонила мне в тот момент, когда мы с Кристианом и охранником выходили из кофейни.

– Не смогла вчера, – без приветствий сказала она. – Родители устроили праздник в честь моего участия в отборе.

Кристиан понимающе кивнул, но в сторону не отошел. Интересно, как фармацевтический король связан с папашей Дварксоном? Профсоюзы на его заводах и не заикаются о забастовках.

– Про победу, надеюсь, никто не упоминал? – спросила я.

– Нет, конечно, – ответила Милли. В трубке слышался шум улицы – должно быть, девушка куда-то шла пешком. – Инга, насчет нашего вчерашнего разговора...

– Я вас выведу с проекта, – твердо сказала я. – Даже помогу бесследно исчезнуть, если потребуется. Но вам придется дойти почти до финала. Это важно.

Кристиан усмехнулся. Я сердито посмотрела на него и продолжила:

– Никто ничего не должен заподозрить. Понимаете?

– Конечно, конечно, – торопливо сказала Милли. – Вы будете на проекте?

Разумеется, буду. Куда ж я денусь? У меня ситуация патовая. С одной стороны – драконы, с другой – драконоборцы. Как хочешь, так и крутись, а похороны завтра.

– Я прибуду туда вместе со всеми участницами, – сказала я, – так что у нас еще будет возможность все обсудить.

– Вы не останетесь внакладе, – торопливо проговорила Милли, и я едва не рассмеялась. Все-таки дочь папаши Дварксона оставалась его дочерью. Даже тогда, когда не хотела об этом думать.

– Все будет хорошо, Милли. – В моем голосе звучала просто непрошибаемая уверенность. – Даже не сомневайтесь.

Смею надеяться, она мне поверила.

Когда я убрала смартфон в карман, то Кристиан сделал знак охраннику, и тот очень бодро для своего роста и комплекции направился в соседний переулок.

– Милли Дварксон не хочет замуж за дракона, – сообщила я. – И я, пожалуй, не удивлюсь, если вы скажете, что тайно с ней обречены.

Кристиан пристально посмотрел на меня, словно прикидывал, что я имею в виду, а потом рассмеялся настолько искренне, будто мне удалось выдать очень удачную шутку. Из переулка с вальяжной неторопливостью выплыл массивный черный внедорожник – за рулем сидела такая же громадина, как и уже знакомый мне охранник.

– Я почти не имею дел с Дварксоном, – сказал Кристиан и, разумеется, соврал. С папашей Дварксоном имеют дело все, у кого есть больше миллиона на счету. – Но, полагаю, мне стоит смотреть это шоу не только из-за смерти драконов.

Он открыл дверь и помог мне устроиться на заднем сиденье. Роскоши здесь, пожалуй, было даже больше, чем в спорткаре Эдварда, – положение обязывает. Когда Кристиан сел рядом и машина с прежней важной размеренностью поехала в сторону Большого проспекта, я сказала:

– Вы так и не объяснили, как мне предстоит убить братьев Финниганов. И почему нельзя просто нанять киллера с телескопической винтовкой. Зачем такие сложности?

Кристиан помолчал. Затем задал вопрос:

– Как вы думаете, дорогая моя фрин, почему драконы правили так долго? Почему их обуздали всего несколько десятилетий назад?

Я пожала плечами. Драконы, как и люди на вершине власти, умели хранить свои секреты.

– Они чувствуют, когда их хотят убить, – продолжал Кристиан. – Такова их природа. Поэтому обычные люди просто не успеют причинить драконам вреда, нужны драконоборцы, умеющие скрывать желание расправиться с драконом. Президент Сальцхофф был величайшим драконоборцем, который уничтожил патриархов всех драконьих семей. Остальные смирились и приняли новые правила игры... видите ли, драконы не привыкли хоронить своих родных.

Столица просыпалась. Большой проспект заполняли машины, с шелестом открывались жалюзи на витринах, сонные люди подходили к автобусным остановкам и спускались в метро. Я думала о том, что мой мир уже никогда не станет прежним.

– Если я драконоборец, то зачем мне принимать ваше лекарство? – поинтересовалась я. – Чтоб не учуяли до поры до времени?

– Совершенно верно, – кивнул Кристиан. – Разумеется, потом на вас начнется охота, дорогая фрин. Но я вас не оставлю, не беспокойтесь. Мне есть где вас спрятать.

И снова соврал: никогда заказчик не станет защищать исполнителя. Кристиан Семеониди спрячет меня разве что на двух метрах под землей.

Но пока я не брала у него денег, а он не предлагал аванс. Так что никто никому ничего не должен. И если после вчерашнего вечера мне действительно хотелось прибить Эдварда, то я и в страшном сне не могла увидеть, что убиваю Макса.

Какими бы ни были драконы, Макс не заслужил смерти. Да и Эдвард – тоже. Но, конечно, я ни слова не сказала Кристиану.

Машина подъехала к зданию телестудии, и я с удовольствием убедилась в том, что здесь уже стоит толпа соискательниц. Пришли они, разумеется, с группами поддержки в лице мамок и бабок, так что можно представить, какой стоял гвалт. Автомобиль Кристиана осторожно объехал эту галдящую толпу и остановился у служебного входа. Наследник великого Семеониди улыбнулся и протянул мне пузырек с лекарством.

– Начните принимать уже сегодня, – посоветовал Кристиан и вдруг процитировал Святое Писание: – И сказал Господь: «Не бойся, не умрешь».

– Вы всегда так говорите, когда предлагаете наркоту? – осведомилась я, убирая пилюли в карман. Осталось определиться, буду ли принимать их или ограничусь личными запасами.

Я и представить не могла, что буду убивать Макса. Несмотря на драконье происхождение, он был хорошим человеком. Очень хорошим. Что бы там ни говорил Кристиан о драконоборцах, младший Финниган не заслужил смерти.

– Почти. – Кристиан одарил меня очаровательной улыбкой. Ему очень шел несколько старомодный стиль джентльмена с юга. И лучше бы этот джентльмен занимался чем-то еще, кроме истребления драконов.

Они, в конце концов, уже не правят нами. А через пару поколений неминуемо спустятся со своих башен и сольются с людьми. Амели вот уже сливается, причем очень пылко, и ее приятельницы – тоже.

– Я еще не сказала «да», – промолвила я.

Улыбка Кристиана стала еще тоньше. Дверь со стороны пассажира открылась, намекая, что мне следует выметаться.

– У вас просто не будет другого варианта, моя фрин, – ответил он. – Змея не может не жалить, а драконоборец не может не истреблять драконов. Такова его природа.

Вот, значит, как. Природа. Выброшу эти таблетки в ближайший унитаз и десять раз спущу воду для надежности.

Но я, разумеется, не подала виду.

– Всего доброго, фро Кристиан.

Тот дотронулся до виска, словно отдавал мне честь.

– До скорой встречи, дорогая фрин.

Я смотрела, как машина неторопливо отъезжает от здания телеканала, и думала, что иногда судьба выкидывает такие фортели... Только руками разведешь. Что мы имеем? Драконов – раз. Папашу Дварксона, который настолько достал дочь, что она готова бежать от него сломя голову, – это два. И я должна сделать все, чтоб у них с Эдвардом завязались максимально теплые отношения. И три, вишенкой на торте – южный джентльмен Кристиан и его лекарство, которое научит меня убивать драконов и заодно сделает невидимой для их чутья на убийц.

Выживу – напишу об этом роман. Если, конечно, выживу. Я уже начала в этом сомневаться.

Второй день кастинга оказался еще хлеще первого. Не дожидаясь начала, две девицы устроили в коридоре совершенно безобразную драку. Охрана среагировала почти молниеносно, но одна, выше ростом и крупнее, успела повалить соперницу и несколько раз ударить ее головой об пол. Вскоре за окнами тоскливо замяукала «скорая». Я смотрела, как санитары в голубой форме спускают к машине носилки, и меня не покидала уверенность, что драконам это должно нравиться. За каплю их внимания люди разбивают друг другу головы...

Интересно, нравится ли такое Макс? Насчет Эдварда я не сомневалась – это лишний раз погладит по шерстке его эго.

Макс появился через четверть часа. Бросил на спинку стула стильный светлый пиджак, положил на стол стопку бумаг и сообщил:

– Драку видели? Рейтинги уже рванули.

Почему-то мне стало грустно. Крутя в пальцах ручку, я думала о том, что дракон не сможет пойти против своей природы. А их природа – огонь, кровь и страсть.

– Да, видела, – кивнула я. – Девчонок уже увезли. Кого в полицию, кого в больницу.

Макс окинул меня пристальным взглядом и вдруг сказал:

– Вы странно на меня смотрите, Инга. Все в порядке?

Я улыбнулась, стараясь сохранять максимально бодрый вид. Не говорить же ему о том, что фармацевтический король платит три миллиона за его голову, а я бьюсь над вечной дилеммой: насколько цель оправдывает средства.

Мне надо ненавидеть драконов. Так, чтоб в глазах темнело, так, чтоб не было сомнений: такие твари не должны ходить по земле. Так их, должно быть, ненавидел великий Сальцхофф, который рубил головы патриархам драконьих семейств.

В какой-то из церквей на юге я видела икону Хорхо-Победоносца, поражающего змея. Художник придал святому черты молодого Сальцхоффа...

– Глаза болят, – призналась я и продемонстрировала Максу пузырек с лекарствами. – Всю жизнь пью эту дрянь, чтоб видеть белый свет.

На лице Макса тотчас же появилось невероятно трогательное выражение искренней заботы и тревоги. Он снова стал тем добряком, которого никто не принимал всерьез и который не имел ни веса, ни значения.

– Сочувствую, – искренне произнес он. – Что я могу для вас сделать? И сейчас, и вообще.

– Чашка кофе, – улыбнулась я. – Этого достаточно.

Макс понимающе кивнул и отправился к кофемашине, предусмотрительно поставленной на столике в углу. Там уже хлопотала девчушка в белом платье и переднике, раскладывая на тарелках канапе. Я вспомнила, что так и не успела нормально позавтракать, и окликнула Макса:

– Захватите сюда пару тарелок?

Макс обернулся, и на его губах расцвела смущенная улыбка, словно он очень обрадовался тому, что сможет как-то мне пригодиться. В ту же минуту ожил мой смартфон, приложение выплунуло сообщение от Эдварда:

«Какого дьявола ты трешься с Семеониди?!»

Вариантов было два. Либо за мной плотно следят, либо Эдвард видел, кто именно сегодня подвез меня на работу. Я задумчиво покрутила смартфон в руках, прикидывая, что ответить, и второе сообщение не заставило себя ждать:

Эдвард так и написал: «Не заставляй меня ждать».

«Его компания производит мое лекарство, – быстро напечатала я. – Лечу генетическую слепоту. Договорилась с ним о серьезной скидке».

Макс поставил передо мной белую чашку кофе и тарелку с закусками, но чудесный запах копченого мяса, овощей и икры сейчас показался мне отвратительным.

«Не смей мне врать! Семеониди не будет никого облизывать за скидку!»

Похоже, мне требовалась поддержка. Я протянула смартфон Макс и сказала:

– Прочитай. Твой брат мне не верит.

Макс изучил нашу переписку, и его брови удивленно поползли вверх.

– Хортасин стоит двести пятьдесят тысяч за пузырек, – сказала я, подпустив в голос ровно столько обиженной дрожи, сколько требовалось, чтоб Макс окончательно проникся ситуацией. – Пузырька хватает на месяц. Я звонила в «Мэссив лаб» и договорилась с Семеониди о личной скидке, а в обмен решила его небольшую проблему с силуванскими поставщиками сырья через папашу Дварксона. Но твой брат, как видишь, мне не верит.

Макс понимающе кивнул и прикоснулся к картинке телефонной трубки над приложением. Звонок прошел, и Эдвард тотчас же ответил забористой бранью.

– Эд, это я, – спокойно сказал Макс. Эдвард захлебнулся воздухом от удивления, и Макс продолжал: – Семеониди действительно дал ей скидку за работу с силуванскими профсоюзами через Дварксона. Она не врет.

Эдвард что-то пробормотал, и стало ясно, что буря улеглась. Видимо, слово брата имело для него значение.

Я вздохнула с облегчением. Вывози, Пресвятая Матерь!

– Не врет и ничего не скрывает, – уверенно произнес Макс.

Эдвард снова что-то пробурчал, и Макс провел пальцем по экрану и передал мне смартфон. Я убрала его в карман и сказала:

– Вообще не понимаю, с чего такая буря.

Мы сели за стол, и, придвинув к себе канапе с мясом и овощами, Макс ответил:

– Видите ли, для драконов фамилия Семеониди – это как красный плащ для быка. Он был сподвижником президента Сальцхоффа, многие драконы семьи тогда пострадали. – Макс говорил медленно, тщательно подбирая слова. – Вот Эдвард и вспылел. Не принимайте близко к сердцу, Инга, вы тут ни при чем. Просто когда видишь человека, чей дедушка отрубил голову твоему прадеду, то вряд ли сможешь сдержаться.

Я кивнула. Охранник открыл дверь, и в зал вошел Ральф. Вид у него был помятый: похоже, с трудом прорвался через возбужденную толпу девиц в коридоре. Захлопнулась дверь, отсекая шум и крики, Ральф провел ладонью по вспотевшему лбу и произнес:

– Ну, город наш! Что творят! Меня едва не разорвали.

Я усмехнулась.

– Тут одной уже голову разбили. Вам еще повезло.

Ральф плюхнулся в кресло, и девчушка в переднике расторопно поднесла ему кофе.

– Одна меня за яйца схватила, так хотела пройти кастинг, – с неудовольствием признался Ральф и бегло дотронулся до паха.

Я поморщилась: меня всегда просто убивала мужская привычка сидеть, широко раздвинув ноги, словно там как минимум бычье достоинство. Макс очень выразительно посмотрел на Ральфа и сказал:

– Тут дамы, дружище, держите себя в руках.

– Идиотки, – вздохнул Ральф и осушил чашку кофе одним залпом. – Ну что, давайте начнем.

И мы начали.

Первой зашла девица настолько прожженного вида, что я могла поставить голову против трамвайного билетика: она опередила Амели в записи на гименопластику. Зеленое платье, явно купленное на распродаже в одном из сетевых магазинчиков, обтягивало тело претендентки, делая ее похожей на весьма упитанную гусеницу. Не дожидаясь вопросов, она улыбнулась и заявила:

– Доброе утро, я фрин Юлия, будущая жена Эдварда.

Это было сказано так, что все мы поперхнулись воздухом. Должно быть, девица решила, что штурм и натиск – это лучшая стратегия. Удача любит дерзких, так говорили морские разбойники севера.

– Вы не с севера, случайно? – поинтересовалась я.

Девушка прищурилась в мою сторону: дескать, как это в ней посмели заподозрить понаехавшую?

Хорошо, что освещение было выставлено так, что участницы кастинга не видели наших лиц.

– Я в столице родилась, – процедила она.

Макс усмехнулся.

– Почему вы решили, что Эдвард возьмет вас в жены? – спросил он.

Юлия посмотрела в его сторону с таким презрением, что впору провалиться под землю, осознав свое полное ничтожество перед этой богиней в зеленом.

– Потому что лучше меня он никого и никогда не найдет, это понятно? – сообщила она. Макс скривился. Видимо, именно такой тип девушек был ему максимально противен.

– Мы вам позвоним, – сказал он и вычеркнул имя фрин Юлии из списка в своем планшете, буркнув себе под нос: – К дьяволу. Эта пусть сразу к дьяволу валит.

А Ральф сел поудобнее и заявил:

– Надо брать. Девка боевая, будет держаться на равных с драконицами. Прикинь, как они будут друг дружку рвать? Рейтинг улетит – шкалы не хватит.

Я рассмеялась.

– Представьте: эта Юлия повалила Амели на пол и таскает ее за патлы. И приговаривает: «Руки прочь от Эдварда, тварь!»

Макс невольно улыбнулся. Должно быть, в красках представил эту эпическую битву, и она его впечатлила.

А меня вдруг словно обожгло: а зачем мне убивать драконов своими руками? Протащить на проект пару неадекватных дамочек вроде этой Юлии, и они все сделают за меня. Идея, конечно, была безумная, но я решила обдумать ее в свободное время. Уже не раз и не два жизнь показала мне, что иногда побеждают самые невероятные и сумасшедшие идеи.

Салыцхоффа тоже считали сумасшедшим. Но он взял и сделал то, чего никто не мог даже вообразить. И победил, изменив весь наш мир.

Макс кивнул, соглашаясь, и вернул буйную Юлию в список.

– Хорошо, она прошла, – произнес Макс и махнул охраннику. – Запускайте следующую.

Конечно, я не думала, что Эдвард будет передо мной извиняться. Слишком мелко я плаваю, чтоб наследник драконьей семьи снизошел до того, чтоб просить прощения за вспышку гнева и недоверия. К тому же я знала, что конкретно в этом пункте мне не стоит доверять.

Я наткнулась на Эдварда в очень прозаичном месте: выходила из туалета для сотрудников после завершения кастинга. За окнами стемнело, а претендентки разъехались по домам. Я почти влетела в чью-то белоснежную сорочку, уткнулась носом в сильную грудь и уловила

запах дорогих духов и горячего, крепкого тела. Сразу же поняла, чей это запах, и попробовала отстраниться, но Эдвард взял меня за руки и вкрадчиво произнес:

– Не стоит так торопиться, фрин Инга. Или вам нестерпимо затянуть моего брата в свои сети?

По спине к пояснице пробежали мурашки, кожу словно обожгло. Наверняка Эдвард знал, какое впечатление производит и что именно я сейчас чувствую. Тут не надо быть экстрасенсом: внизу живота медленно растекался томительный жар, усмирить который мог только тот, кто властно держал меня за руки и не позволял отстраниться.

В коридоре никого не было. Должно быть, Эдвард как-то приказал обитателям телекомпании держаться подальше от этого места. Я смотрела ему в лицо и не могла не представлять, как он сейчас вдавит меня в стену и возьмет – грубо и быстро.

– Я помню, что вы обещали, если это произойдет, – сказала я, стараясь говорить как можно спокойнее. Эдварду нельзя было дать понять, что я сейчас плавлюсь в его руках, как кусочек масла на раскаленной сковородке. – И мне дорога моя голова, как и все, что ниже.

В живот мне упиралась крепкая плоть, полностью готовая к любовной атаке. Интересно, это у всех драконов настолько большое достоинство? Странно тогда, что Макс не пользуется успехом, – зажрались столичные красотки, действительно зажрались.

– Я верю брату, – произнес Эдвард. – Как правило, он не ошибается в людях. И я должен попросить у вас прощения за необоснованные подозрения.

Я усмехнулась, всеми силами стараясь не поддаваться соблазну подняться на цыпочки и прикоснуться губами к чужим губам.

– Просите.

– Фрин Инга, простите меня за несдержанность, – негромко произнес Эдвард, глядя мне в глаза таким взглядом, что ноги подкашивались. Над его головой закружились первые искры. – Я был с вами незаслуженно груб.

Поцелуй был совсем не таким, как вчера. Нас медленно охватывало прозрачное огненное марево, то ли настоящее, то ли наведенное, чужие пальцы с застенчивой осторожностью гладили меня по щеке, и я чувствовала, что вот-вот взлечу вместе с ним или загорюсь. Поцелуй был наполнен такой волшебной томительной сладостью, что мне едва хватило сил, чтоб отпрянуть и вырваться из объятий Эдварда.

Он этого не ожидал. В жизни Эдварда Финнигана наверняка были женщины, которые ему отказали, – просто в качестве статистической погрешности, не может же он не знать отказа в принципе. Но я готова была поклясться, что в жизни Эдварда Финнигана не было женщины, которая отвергла его дважды.

– Осторожнее, фро Эдвард! – сказала я. – Не путайте меня с вашими клубными дешевками. Это самая большая ошибка, которую вы можете совершить.

Красивое лицо Эдварда исказило судорогой, словно он с трудом сдерживался, чтоб не залепить мне пощечину, но он почти сразу же взял себя в руки и насмешливо произнес:

– Да вы такая же, фрин Инга. Строите из себя недотрогу, думаете, что это меня распалит? Что я в вас влюблюсь?

– Невозможно, – сказала я и сделала шаг в сторону, туда, откуда до лестницы было рукой подать. – Вы любите только себя, Эдвард. Бедная Милли!

Эдвард нахмурился. Чего бы он ни ждал от меня, такой ответ его задел и возмутил.

– И с чего это она бедная? – осведомился он.

Я шагнула к дверям на лестницу. Оттуда слышались голоса и доносился запах табачного дыма: операторы, которые снимали и монтировали кастинг, курили и негромко обменивались впечатлениями по поводу претенденток, рассказывая, как одна из них ревела в туалете так, что ее не могли успокоить ни мать, ни бабка, а две других вцепились в волосы третьей, которая

имела неосторожность заявить, что все куплено и уже известно, кто выйдет замуж за Эдварда. Счастливицей, разумеется, была она сама.

– Потому что ей придется с вами жить. Это страдание, которого она не заслужила. Милли – слишком хорошая девушка для такого напыщенного индюка!

Эдвард прошипел что-то неразборчивое, и над его головой вспыхнуло алое облако искр. Я не стала дожидаться, когда меня обольет струей огня, и бросилась за дверь. Вопреки моим опасениям, Эдвард не стал меня преследовать – быстрым шагом спускаясь по лестнице, я благодарил всех святых, что выбралась из этой ситуации без потерь.

Он в чем-то был прав. Если человек никогда и ни в чем не ведал отказа (статистическую погрешность не берем), то такое поведение действительно его распалит. С одной стороны, я не имела ничего против, но с другой – меньше всего хотела становиться просто еще одной девчонкой из очереди к постели наследника богатейшего семейства. Пусть другие разбивают соперницам головы, мне этого не нужно.

На первом этаже я встретила Макса: он что-то объяснял молодому человеку в модном костюмчике и, увидев меня, сделал знак рукой, прося подождать. Я опустилась на черный кожаный диван и подумала, что этот день меня вымотал. Сперва Кристиан Семеониди со своими предложениями, от которых нельзя отказаться, потом кастинг, где дура на дуре душой погоняла, и в довершение всего – разговор с Эдвардом. Хотелось вернуться домой, рухнуть в кровать и уснуть.

Впрочем, вру. Мужчину тоже хотелось. Я вспомнила, когда в последний раз занималась любовью, и закружилась.

Макс распрощался с молодым человеком, сел рядом со мной и произнес:

– Слава богу, кастинг закончен. Завтра начинаем предварительные съемки претенденток.

Съемочная группа проведет день в общении с wybranymi девушками и создаст о каждой маленький сюжет, который выйдет в пилотном выпуске шоу уже послезавтра. Вся группа с девушками и Эдвардом отправится на самолете в Прилесье – на полуостров окраину страны, где в огромном особняке, похожем на старинный терем, начнутся съемки шоу.

– Получается, у нас выходной? – уточнила я.

Макс кивнул.

– Будем собирать вещи, – сказал он и вдруг предложил: – Если хочешь, сходим куда-нибудь.

Получается, мы перешли на «ты»... Я вспомнила песню, звучавшую из кофейни, когда мы спустились с небес на землю. «Каждый хоть раз в жизни, но полюбит. Каждый хоть раз в жизни, но найдет...»

Что я найду? Что мы все найдем?

– Тогда с братом объясняйся сам, – вздохнула я. – А то он собирается разбить мне голову, если я разобью тебе сердце.

Макс откинулся на спинку дивана и рассмеялся. Я вдруг подумала, что на самом деле он просто носит маску добродушного увальня, а под нею скрывается дракон, который умеет ждать и добиваться своего.

Дракон, чью голову хочет заполучить Кристиан Семеониди.

– Мое сердце не так-то просто разбить, – признался он. – Инга, ну мы же взрослые люди. Сумеем вести себя прилично.

– Что ты предлагаешь? – поинтересовалась я. Похоже, река жизни несла меня в какую-то непредсказуемую сторону – и я решила расслабиться и не бороться с течением.

Макс пожал плечами. Задумчиво скользнул пальцем по моему запястью, и я снова отметила, что в просторном холле никого нет. Должно быть, драконы действительно умели разгонять ненужных свидетелей.

– Для начала – просто провожу тебя домой, – сказал Макс. – Даже на кофе не зайду. Завтра сходим куда-нибудь. Например, в Кефалинский парк.

Кефалинский парк был весьма любопытным. Цивилизованное место с ровными дорожками, аккуратно подстриженной живой изгородью и аттракционами, но чем дальше от ворот, тем больше парк становится похож на лес, дикий и неухоженный. Если бы, например, Кристиан Семеониди предложил мне прогуляться в Кефалинском парке, то я была бы уверена, что он решил меня закопать по частям где-нибудь в чаще.

Вряд ли, конечно, Макс решил сделать что-то в этом роде. Хотя...

– Там, говорят, мафия закапывает трупы, – сказала я без обиняков.

Макс снова рассмеялся, и я вдруг поймала себя на мысли, что не хочу, чтоб он убирал руку от моего запястья. Будь что будет, может, и Эдвард тогда оставит меня в покое, и я сумею подтолкнуть его к бунтарке Милли, не испытывая внутренней дрожи.

– Мы не пойдем туда, где закапывают, – уверенно произнес Макс и, помедлив, добавил: – Ты мне действительно нравишься, Инга. Давно нравишься.

Признание прозвучало одновременно и трогательно, и настораживающе. От меня будто бы требовали дать положительный ответ – и в то же время не требовали.

– Ты хороший человек, Макс, – наверное, сейчас эти слова звучали по-дурацки, но я не знала, что еще сказать. – Давай все-таки попьем кофе. Сейчас.

Кофе мы так и не попили. Смартфон в кармане Макса издал то тоскливое щебетание, на которое так молятся нищebroды – поклонники фирмы с логотипом в виде надкушенной груши, и Макс, вынув его и посмотрев на экран, негромко сказал:

– Отец.

Я понимающе кивнула. Папаша Финниган прямо нутром почуял, что у младшего сына намечается романтическая ночь, и решил все испортить. Или наоборот – исправить.

– Да. Да, я понял. Уже лечу.

Проведя пальцем по экрану, Макс выключил смартфон и печально посмотрел на меня, словно хотел извиниться и не знал, как это сделать. Я понимающе кивнула и поднялась с дивана. Пожалуй, мне лучше будет поехать домой, принять душ и лечь спать. И не думать ни о драконоборцах, ни об Эдварде, ни об отборе невест – я уже начала жалеть, что вообще влезла в это дело.

– Тебе пора, – сказала я.

Хотела было добавить про послушных мальчиков, которые сразу же идут на горшок и в кроватку, как только родители прикажут, но промолчала. Это бы снова обидело Макса, а я не хотела его обижать. Он мне нравился.

– У отца есть пара вопросов, которые надо обсудить, – признался Макс, и мир вокруг нас тотчас же пришел в движение. Со стороны служебных туалетов вывернул охранник, деловито поправляя ремень, с лестницы ссыпались стажерки отдела новостей, звонко стуча каблучками, и лифт распахнул пасть, выпуская девушку, которая сегодня подавала нам кофе.

Рабочий день закончился. Народ расходился по домам.

– Ничего страшного. – Я улыбнулась настолько доброжелательно, насколько могла. – Лети. Завтра поедем в парк.

Макс поднялся с дивана и быстрым шагом направился к прозрачным дверям выхода. Через несколько мгновений со ступеней в небо рванула огненная комета. Невольные свидетели драконьего полета смотрели зачарованно и испуганно. Вроде бы не такая это и редкость, а все равно завораживает, и стоишь с раскрытым ртом, как деревенский дурачок, впервые попавший в большой город.

Я вздохнула и тоже побрела к выходу, надеясь, что время еще не такое позднее и можно поймать такси. Вряд ли Эдвард Финниган снизойдет до того, чтоб подвозить до дома женщину, которая отказала ему дважды.

Такси стояло неподалеку, доброжелательно подмигнуло мне зеленым огоньком. Вот и хорошо. Я скользнула на заднее сиденье и подумала, что Макса очень тщательно контролируют. За ним словно ведется круглосуточная слежка. Он доставил меня до дома в драконьем обличье – и Эдвард сразу же об этом узнал. Только-только мы решили перевести наши приятельские отношения в горизонтальную плоскость – сразу же возник папаша Финниган. Я была бы не я, если б не заподозрила, что дело нечисто.

Когда я расплатилась с таксистом и шагнула на дорожку к дому, то ее почти сразу же перечеркнула черная тень, скользнувшая откуда-то из кустов цветущей сирени. Я бегло просканировала ситуацию: таксист уехал, все окна в домах черны – соседи, похоже, уже спят – только на углу приглушенно светится неоновая вывеска круглосуточной кофейни. Мне хватит десяти секунд, чтоб туда добежать и вызвать полицию.

Но я никогда не убегала.

Я шагнула вперед, опустив руку в карман. Ничего там особенного не было, только детская игрушка под названием вопилка. Сожмешь ее – и она заревет так, что с неба звезды падают. Как правило, этого достаточно, чтоб на время дезориентировать нападающего и суметь убежать. Убивать я все равно не умею.

– Добрый вечер, фрин Инга, – сказала тень голосом Кристиана Семеониди. – Вернее, уже ночь.

Я выпустила из пальцев вопилку и ответила:

– Вы меня напугали, фро Кристиан.

– Бросьте. – Кристиан вышел на дорожку и неторопливо пошел рядом со мной к подъезду, каким-то босяцким жестом спрятав руки в карманы. – Разве что-то может вас напугать? Вы приятельствуете с драконами, куда уж страшнее-то.

Чужая рука мягко погладила меня по спине – там, где было родимое пятно. Ощущение было таким, словно покупатель придирчиво выбирает кусок мяса на лотке.

– Я живу в опасном районе, сами видите. – Я дернулась, стряхивая чужую руку.

Когда мы вошли в подъезд, то я чертыхнулась: света не было. Должно быть, местные огольцы снова разбили лампочки.

Дверь подъезда захлопнулась за Кристианом, и стало совсем темно.

– Бойтесь темноты? – Кристиан истолковал мою заминку единственно возможным образом.

Я замерла возле лестницы и несколько секунд не могла пошевелиться.

Тьма не была абсолютной. Глаза привыкали к ней, и я видела очертания стен, перил и ступеней. Вот двери лифта, вот квартиры первого этажа, вот большой цветок, за которым ухаживает консьерж. Но все равно это была тьма.

– Да, – призналась я. – Боюсь.

Ладонь Кристиана легла на мое плечо, медленно соскользнула по руке и сжала пальцы.

– Я здесь, – негромко сказал он и мягко подтолкнул меня к лестнице. – Я здесь, с вами.

Я родилась во мраке и провела в нем детство. Темнота была для меня самым жутким, с чем только можно столкнуться. Должно быть, Кристиан это понимал, зная о моей слепоте: меня подхватили на руки и понесли на второй этаж. Я обняла Кристиана за шею, понимая, насколько нелепо и водевильно это выглядит, но при всем желании не смогла бы сделать и шага в этой тьме.

Я не удивилась тому, что у Кристиана были ключи от моей квартиры. Он аккуратно поставил меня на ноги, как большую сломанную куклу, и я услышала, как щелкнул замок и откры-

лась дверь. Кристиан направил меня вперед, и, войдя в квартиру, я ощутила, как мой страх утекает прочь, словно морская вода. Дома все намного проще. Дома и стены помогают.

Протянув руку к выключателю, я несколько раз нажала на него и чертыхнулась: света не было. Должно быть, общая проблема на этой стороне улицы. Кристиан понимающе усмехнулся и вынул из кармана смартфон. Фонарик в нем оказался настолько мощным, что озарил коридор и часть комнаты не хуже настольной лампы. Я сбросила туфли и, пройдя в небольшую гостиную, спросила:

– Какова цель столь позднего визита?

– Мне стало интересно, – ответил Кристиан.

Он прошел за мной, положил смартфон на стол и вольготно расположился в одном из кресел. Я заметила, что он успел сбрить усы и теперь еще больше походил на южанина, но не на благородного джентльмена, а на хищника с большой дороги, который спустит с вас кожу быстрее, чем вы скажете «ах!».

– Вам идет, – сказала я и для пояснения провела пальцем по верхней губе.

Кристиан усмехнулся чуть ли не смущенно.

– Дал когда-то зарок, что сбрую, если встречу драконоборца, – признался он и тотчас же полюбопытствовал: – Знаете, откуда у вас этот знак на спине?

Я прекрасно понимала, зачем он пришел. И у этого понимания был какой-то тоскливый оттенок. Не глядя в сторону Кристиана, я сняла пиджак и подумала: «Пусть все это будет быстро. Спать хочется, и настроение ни к черту».

– Я с ним родилась, – ответила я. – А в метафизическом плане... откуда мне знать?

Кристиан понимающе усмехнулся. Похоже, ему было очень интересно узнать, насколько я предсказуема.

– Когда святой Хорхо сошелся в схватке с драконом, змей ударил его хвостом, – сказал Кристиан. – У нас на юге в нескольких церквях есть фрески, где изображается именно битва. Святой маленький, а дракон огромный, и ад следует за ним.

Я улыбнулась.

– И сказал Господь: «Не бойся, не умрешь», – вернула я давешнюю цитату.

Кристиан понимающе кивнул.

– Хорхо победил. И все его потомки носят на себе великий знак, – сказал он и с неожиданной искренностью признался: – А я ведь не верил, что смогу встретить драконоборца...

Интересно, чего он от меня ждет? Что я должна буду делать?

Я так и спросила:

– Что мне сейчас делать?

Кристиан усмехнулся уголком рта, и улыбка вышла зловещей. Я ее видела раньше, и люди, которые так улыбались, всегда получали то, что хотели. С ними лучше было не спорить и просто дать им то, что они просили, – если, конечно, ты не хочешь ехать в лес в багажнике дорогого внедорожника.

Кристиан поднялся с дивана и, проведя по смартфону, выключил свет. В комнате не было настолько темно, чтоб испугаться, но меня вдруг захлестнул самый настоящий ужас, от которого будешь бежать со всех ног, понимая, что не убежишь.

Чужая ладонь погладила меня по щеке, и мне вдруг стало ясно, что Кристиан тоже боится. Что ему очень и очень не по себе. Он встретился с тем, кого мечтал найти всю жизнь, чтоб продолжить дело деда, – и теперь, когда встретил, тоже не знает, как с этим быть.

Он боялся напортачить. Боялся, что этот груз для него неподъемный.

– Можно ничего не делать, – выдохнула я во мрак и готова была поклясться, что мое дыхание стало облаком пара в ледяном воздухе. – Ты уйдешь утром, и мы сделаем вид, что никогда не встречались.

Кристиан усмехнулся.

– Это будет неправильно, дорогая фрин, – ответил он. – К сожалению, это будет неправильно.

У него были очень сильные руки – при желании Кристиан смог бы сломать меня, как сухую ветку, – но почему-то сейчас, когда он меня обнял, я впервые за долгое время почувствовала себя спокойно.

– Помоги мне, – едва слышно выдохнул он. – Просто помоги мне.

Свет вспыхнул через полчаса.

Я прищурилась, глядя на лампу, которая ярко озарила спальню, и сказала:

– Да, очень вовремя.

Кристиан улыбнулся и набросил на меня край одеяла.

– Когда отправишься миловаться с младшим драконом, не включай свет, – посоветовал он. – Ну или не поворачивайся к нему спиной.

Я приподнялась на локте и пристально посмотрела ему в глаза.

– Следишь?

Тот снова улыбнулся, постаравшись придать лицу самое невинное выражение, и мягко привлек меня к себе.

– Нет, – ответил Кристиан и легонько дунул мне в волосы. – Не слежу. Просто знаю.

Я задумчиво дотронулась до свежей царапины у него на плече. Не было никакой испепеляющей страсти, не было мучительного томления, какое охватывало меня, когда ко мне прикасался Эдвард, просто было хорошо. Два человека заполнили пустоту друг в друге и хоть на небольшое время, но сумели избавиться от внутренней тьмы.

Она была намного страшнее внешней.

– А папаша Финниган, похоже, очень внимательно пасет младшего сына, – сказала я.

Кристиан вопросительно поднял правую бровь. Его пальцы скользнули вперед и принялись кружиться вокруг моего левого соска плавными дразнящими движениями. Я повела плечами, устраиваясь поудобнее: конечно, в этом человеке не было той властной силы, которая так завораживала в Эдварде, но именно это мне и нравилось.

– Рассказывай, – приказал Кристиан. – Рассказывай, это интересно.

– И важно, – предположила я.

– Очень важно, – кивнул Кристиан. – Говори.

– Сегодня мы с Максом планировали провести вечер вместе, – начала я. Кристиан переместился на кровати и с уже знакомой мягкой осторожностью опустил ладони на мои колени. – Но папаша Финниган позвонил как раз тогда, когда мы собирались...

Я ахнула и закусила губу. В первый раз мы обошлись без прелюдий: Кристиан просто сгреб меня в охапку и отнес в спальню. Когда он вбивал меня в постель резкими сильными движениями, я впивалась ему в плечи и думала, что фро Семеониди, похоже, наголодался не меньше моего.

– Дальше? – спросил Кристиан, на мгновение оторвавшись от моих бедер. Я откинулась на подушку и прикрыла глаза. Его губы обжигали кожу, неторопливо поднимаясь все выше, и я чувствовала, что горю.

И не надо было драконьего пламени.

– Эдвард почти сразу узнал, что Макс превращался в дракона... хотел произвести на меня впечатление. – Я запустила руку в жесткие каштановые волосы Кристиана, и бедра дрогнули, подаваясь навстречу умелому языку, танцующему дразнящий танец на дрожащей от желания плоти. – И мне показалось странным... Почему так пасут взрослого человека?

Судорога удовольствия, хлестнувшая меня по ногам, заставила закусить губу, чтоб не закричать на весь дом. Я зажмурилась, обмякла на скомканной простыне и почувствовала, как Кристиан входит в меня плавным неторопливым движением, похожим на тягучий мед.

– Знаешь, – сказал он, – в этом что-то есть. Но вот что...

– Не знаю... – выдохнула я.

Сейчас мне меньше всего хотелось думать о драконах и их интригах. Я таяла в руках Кристиана, на его плечах и спине появлялись новые царапины, мы двигались в едином ритме, то резком и дерганом, то неторопливом и плавном, и мне не хотелось, чтоб сладкое томление, нарастающее во мне, взяло и оборвалось... Это было безумие. Оно жгло сильнее драконьего огня.

Разговор о Максе мы продолжили утром, в знакомой кофейне. Бармен приветствовал нас кивком, вновь повесил на дверь табличку: «Закрывается на спецобслуживание» и, кажется, вздохнул с облегчением, не увидев вчерашних мордovorотов-охранников. Мы заняли место за привычным столиком, и я подумала, что мы красивая пара, если на нас посмотреть со стороны. Какая-нибудь девица из числа тех, кто заявился вчера на кастинг, уже донимала бы Кристиана вопросами типа: «Дорогой, а кто мы друг другу? А ты на мне женишься?»

Я никогда не спрашивала таких глупостей – просто потому, что не ставила цель непременно завести мужчину в доме. Так жилось намного легче. Взрослые люди провели ночь, занимаясь любовью, но это не значит, что у них теперь есть какие-то обязательства. Нам было хорошо вдвоем, и к этому ничего не надо примешивать.

– Он странный молодой человек, – признался Кристиан, когда бармен поставил перед нами кофейник и чашки и ушел заниматься своими делами. – Преподает в колледже и создает впечатление какого-то дурачка. Блаженного. А среди драконов нет дурачков, это точно.

Я не могла с этим не согласиться.

– Ты хорошо его знаешь? – спросила я, отпив кофе.

Бармен расстарался ради дорогих гостей: обычно в таких забегах варят настолько мерзкую бурду, что в руки взять противно, не то что пить.

– Почти как мама и папа, – сообщил Кристиан. – Собрал на него подробнейшее досье... как и на все драконьи семьи в стране.

– Зачем? – поинтересовалась я, уже зная, каким будет ответ.

Кристиан улыбнулся, но улыбка была искусственной, словно кто-то пальцами растянул его губы.

– Чтоб уничтожить их. Всех.

Я и не сомневалась. Кристиан пристально посмотрел на меня и вдруг сказал:

– Ты не знаешь, чего мне это стоит. Ты даже не догадываешься.

Быть внуком великого и ужасного Элиаса Семеониди означало выполнять столь же великий и ужасный долг. Грозная фигура деда, при жизни ставшего легендой, возвышалась над семьей Кристиана. Его мать, тоненькая, хрупкая и болезненная, не подходила для великой миссии драконоборчества – она и муху-то убить не могла, и дед сосредоточился на внуке. Наверняка Кристиан был виноват во всем, в первую очередь в том, что на его спине не было метки. Сподвижник Сальцхоффа, мечтавший, что в его семье тоже появится тот, кто способен убивать драконов, в открытую называл внука порченной кровью. Этот грех Кристиан должен был искупить всей своей жизнью.

– Представь, что каждый день тебе в голову забивают гвоздь. – Кристиан говорил с каким-то нарочитым спокойствием, настолько глубоким и пронзительным, что я взяла его за руку, чтоб как-то снизить накал. – Каждый божий день. Дед внушал мне, что драконоборчество – великая миссия, и раз уж я сам не принадлежу к этим благословенным людям, то должен найти их и оплатить смерть драконов. Семья Семеониди много веков правит фармацевтическим рынком, так что вопрос денег тут не стоит.

– Мне кажется, тебе не очень-то хочется всем этим заниматься, – сказала я.

Кристиан посмотрел на меня, и в его глазах мелькнули золотистые огоньки.

– Дед во многом был прав, – спокойно произнес он. – Да и ты сама все прекрасно понимаешь. Наглые твари, которые не знают никаких границ в своей наглости. Сальцхофф смог их обуздать, но не до конца. Дай им волю – они снова станут править, и ничем хорошим это не кончится.

– Они и так правят, – заметила я. – Умами, по крайней мере. Ты не видел, сколько народу сбежалось на кастинг. Хотя... это просто желание найти богатого мужа. Если ты объявишь такой кастинг, народу сбежится не меньше.

Я представила, как девицы бьют друг друга головами об пол, охотясь на Кристиана Семеониди, и картинка показалась мне вполне реальной. Им все равно – лишь бы был богатый. А еще я подумала, что не поинтересовалась, есть ли у Кристиана семья.

– Нет, – ответил он. Оказывается, я задумалась и задала вопрос о семье вслух. – Дед умер, мать осталась на юге. Я живу один. Заезжай в гости, если захочешь.

Я кивнула, хотя была уверена, что не захочу. Человек, ведомый чужой манией убийства и не желающий ее преодолеть, вряд ли станет мне добрым другом.

– Я не умею убивать, – снова призналась я. – Мне никогда не приходилось этого делать, да я и не хочу. Может, ты все-таки придумаешь что-то другое?

Губы Кристиана дрогнули так, словно он с трудом сдерживал ругательство.

– Есть такая вещь, как суть, – сказал он. – Суть драконов – огонь и смерть. А суть драконоборца – смерть драконов. Это не исправишь и от этого никуда не денешься. Когда придет нужный момент, ты просто не сможешь не убить. Просто потому, что такова твоя природа. Вдобавок я хорошо плачу.

– С этим не поспоришь, – согласилась я и добавила: – Но мне очень не нравится атмосфера вокруг Макса. У меня дурное предчувствие.

Кристиан понимающе качнул головой.

– В самом деле. Почему его так контролируют? Денег у него нет, власти – тоже. Ему даже девочки в колледже глазки не строят.

– Ты и про девочек уточнил? – усмехнулась я.

– Разумеется. Иногда девочки могут рассказать намного больше, чем опытный сыскарь.

С этим тоже не поспоришь.

– У нас сегодня свидание, – сказала я, решив не докладывать о конкретном месте и времени встречи. – Попробую найти какую-нибудь зацепку.

– Попробуй, – неожиданно легко согласился Кристиан. Неужели мне хотелось, чтоб он стал ревновать? Нет, я никогда не манипулировала людьми, с которыми у меня были отношения помимо рабочих. – Три миллиона выплачу сразу.

Я хотела было сказать, что он все портит этой фразой, но решила промолчать. Иногда молчание – действительно золото.

Днем Кефалинский парк не выглядел пугающим. Просто большой лес почти в центре города, легкие столицы, которые слегка привели в порядок у самого входа, оставив нетронутыми в глубине. Я вошла в высокие, настежь распахнутые ворота и несколько минут смотрела на памятник Сальцхоффу: бронзовый президент внимательно следил за тем, как у подножия монумента копошатся работники парка, которые высаживали какие-то растрепанные рыжие цветы.

Мимо меня со свистом и гиканьем пронеслась стайка подростков на роликах. Я неторопливо побрела по аллее, глядя по сторонам и пытаясь установить, где папаша Финниган разместил своих людей. Младший сын наверняка рассказал ему о нашем свидании, и старый дракон должен был принять меры, чтоб все не зашло слишком далеко.

Слежки не было. Не считать же ею мороженщика, который за обе щеки уплетает свой лакомый товар и ни на кого не обращает внимания. Привычных видеокамер на столбах тоже

не наблюдалось. Я несколько раз прошла по аллее и, ничего не обнаружив, села на скамью и вынула смартфон.

Все новостные каналы гудели, взхлеб рассказывая о новом телешоу «Дракон выбирает невесту». Я проверила статистику: проморолик посмотрело девяносто миллионов человек по всей стране, и это был успех. Наверняка Финниганы потирают руки, считая денежки, капающие от рекламы. Перечисляя то, что важно для драконов, Кристиан забыл прибавить золото – самую важную составляющую их сути.

Золота будет много.

Я нажала на треугольник в центре экрана и запустила ролик. Сперва камера делала эффектный разворот над «Финниган тауэр» – дескать, глядите, курицы, что будет вам принадлежать, если пройдете отбор. Затем на экране появился Эдвард: он шел по коридору, спиной к камере, и над ним кружились красные и золотые искры. Развернулся герб Финниганов, и красивый голос диктора произнес:

– Эдвард Майлз Финниган. Наследник богатейшей драконьей династии. Личный доход – пятьдесят миллиардов лир.

Эдвард продолжал идти под динамичную музыку, но теперь слегка обернулся к камере, показав идеальный профиль классической статуи.

– Я решил, что мне пора найти жену, – прозвучал его голос за кадром, и музыка оборвалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.